

Екатерина Суворова

ПРОПАСТЬ

не выпускай тьму...

Екатерина Суворова
Пропать. Все части

«Автор»

2026

Суворова Е.

Пропась. Все части / Е. Суворова — «Автор», 2026

В маленьком городке у подножия горы десятилетиями пропадали дети. Иногда они возвращались, но уже другими. Жители привыкли бояться, но ещё больше привыкли молчать. Когда правда наконец выйдет на свет, она окажется не освобождением, а ловушкой. За вековой тайной стоит не проклятие, не демон, а нечто куда более изощрённое. Оно смотрит знакомыми глазами и говорит голосом, которому хочется верить. Оно играет на самом дорогом, что есть у человека: на сострадании, любви и желании поступать правильно. Каждый, кто пытался разгадать тайну горы Пропась, оставлял в ней частицу себя. Кто-то рассудок, кто-то веру, кто-то жизнь. Потому что главная бездна не в земле, а в готовности человека жалеть того, кто жалости не заслуживает. Трилогия «Пропась» это история о том, как добродетели становятся слабостью, а спасение и гибель меняются местами. О городе, который сто лет платил страхом за право не знать правду. И о человеке, который решится посмотреть в лицо злу, даже если это будет стоить ему всего

© Суворова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1. Последний спокойный день	6
Глава 2. Данные и предчувствия	9
Глава 3. Тени в глазах отца	11
Глава 4. Первый камень предковения	12
Глава 5. Элис	14
Глава 6. Дуга страха	17
Глава 7. Узоры на коже	20
Глава 8. Делегация спокойствия	22
Глава 9. Плач отца и ледяной автограф	24
Глава 10. Отсчёт пошёл	26
Глава 11. Безмолвные свидетели.	28
Глава 12. Каменная Летопись	31
Глава 13. Тень в руинах	37
Глава 14. Дорога к шахте	40
Глава 15. Спуск	42
Глава 16. Игра Джейкоба	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Суворова

Пропать. Все части

Часть 1.

Джейкоб

Глава 1. Последний спокойный день

Ветер с горы Пропась всегда дул с востока, принося с собой запах хвои, сырого камня и чего-то ещё, необъяснимого, что жители Грэнтона называли «дыханьем старого леса». Шеф полиции Лиам Брок стоял на крыльце своего нового, вернее, старого дома, дома своего детства, и пытался убедить себя, что этот запах не вызывает у него беспокойства.

Дом был маленьким, деревянным, купленным за бесценок у семьи, спешно уехавшей в прошлом году. «Боли в спине», - сказали они. Но в их глазах Лиам, проработавший восемь лет в департаменте Сиэтла, увидел знакомый, липкий страх. Он видел его у людей, ставших свидетелями того, с чем психика отказывается мириться. Тогда он списал это на провинциальную замкнутость. Теперь, через три месяца жизни здесь, он начал сомневаться.

Город Грэнтон цеплялся за склон, как лишайник. Двести домов, церковь с покосившимся шпилем, одна улица с подслеповатыми фонарями и бескрайнее, почти чёрное море пихт и елей, упирившееся в каменную гримасу Пропаси. Гора не была высокой, но в ней была неправильность, не геологическая, а почти что намеренная - глубокий, вертикальный разлом, похожий на открытый рот, чёрный даже в полдень.

Лиам закурил, делая первую затяжку с наслаждением, которое так и не смог искоренить. Сигаретный дым перебивал запах леса. Он смотрел, как внизу, на главной улице, открывалось лавка «У Мэй». Старуха Мэй, хозяйка, выставила на тротуар грифельную доску с ценами. Рядом с ценами на травы и лекарства всегда был нарисован маленький, почти невидимый символ, круг с точкой внутри. Лиам спросил как-то. «От глаза, шериф, — ответила Мэй, вытирая руки об фартук. — Старая местная примета». Её глаза, тёмные, как чернослив, смотрели сквозь него, и в них не было ни капли простодушия и наивности.

Он потушил окурок, зашёл внутрь. Дом был почти пуст. Коробки с книгами и одеждой стояли нераспакованными в углу гостиной. На каминной полке одна единственная фотография. Он, молодой, в полицейской форме, и Дэнни, его напарник, оба смеются, обнявшись. Снимок был сделан за месяц до того, как пуля, предназначавшаяся Лиаму, нашла Дэнни в переулке за дешёвой закуской. Расследование признало его смерть «при исполнении», но Лиам знал правду. Он опоздал. Он не увидел движение в тени. Он выжил.

Грэнтон должен был стать лекарством. Тишина. Покой. Место, где ничего не происходит. Так ему обещали.

Рация на его поясе хрипло кашлянула. Голос Джека, ночного диспетчера, звучал неестественно громко в тишине дома.

— Шеф, у нас вызов. Старая Смайлер-роуд. Говард Финч. Он... он в истерике. Говорит, нашёл кое-что в лесу.

Лиам вздохнул. Финч. Местный чудак, охотник-неудачник, вечно тонущий в долгах и дешёвом виски. Наверняка напился, увидел медведя или, что вероятнее, собственный страх в сумерках.

— Конкретнее, Джек? Что он нашёл? Бродягу? Тушу оленя?

Пауза на том конце была долгой, прерываемой шипением эфира. Потом Джек прошептал, будто боялся, что его услышат не только они двое:

— Лору... Он нашёл Лору Клэй.

Воздух в комнате стал вдруг густым и ледяным. Лора Клэй. Исчезнувшая десять лет назад. Девочка с плакатов, которые, Лиам теперь вспомнил, всё ещё висели кое-где в городе, выцветшие, но не снятые. Её улыбка, две косички, родинка у левого глаза, штамп в памяти каждого грэнтонца.

— Жива? — выдавил он, и его голос прозвучал хрипло.

— Дышит. Но не говорит. И... шеф, Финч говорит, что она... не изменилась. Совсем. Как с той фотографии.

Лиам бросился к двери, на ходу натягивая кобуру с табельным оружием. Разум лихорадочно искал логику: амнезия, похищение, побег. Десять лет, невозможно. Но что, если... Его профессиональный мозг отказывался думать дальше.

Машина рычала, вырываясь из спящего городка на грунтовку. Рассвет только-только начинал синить небо на востоке, окрашивая Пропась в цвет сливы. Лес по сторонам дороги был непроницаемым частоколом стволов. Он включил дальний свет, и мир сузился до туннеля из грязи, корней и колыхающихся теней.

Он нашёл их на поляне у развилки: старенький пикап Финча, его самого, тучного, без шапки, с седыми волосами, торчащими дыбом, и двух парней из добровольной пожарной дружины. Они стояли полукругом, не решаясь приблизиться к центру поляны.

А в центре, на замшелом валуне, будто сошедшая со страниц учебника по фольклору, сидела девочка.

Лиам выключил двигатель. Тишина, навалившаяся на поляну, была физической, давящей на уши. Не было ни щебета птиц, ни стрекота насекомых. Только тяжёлое, свистящее дыхание Говарда Финча.

Шериф медленно вышел из машины. Фонарь в его руке вырезал из темноты фигурку. Лето, платье в цветочек, потрёпанная кукла с пуговицей вместо глаза. Косички. И лицо. Лицо десятилетнего ребёнка, застывшее во времени. Совершенное. Нетронутое. Пугающе знакомое.

— Она просто сидела, — забормотал Финч, не отрывая от неё круглых от ужаса глаз. — Сидела и смотрела в лес. Я... я сначала подумал, привидение. Но она дышит. Я узнал родинку. Господи, шериф, ей же должно быть двадцать!

— Сообщите в больницу, что привезу девочку, — тихо, но чётко приказал Лиам одному из пожарных. — И никому! Ни слова. Поняли?

Он приблизился, присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне. Свет фонаря скользнул по её коже. Она была бледной, почти фарфоровой, без единой царапины, без следов грязи или борьбы. Платье было чистым, лишь подол отсырел от утренней росы.

— Лора? Меня зовут Лиам. Я шериф. Ты в безопасности.

Девочка медленно повернула к нему голову. Её глаза были огромными, тёмными, как лесные озёра в безлунную ночь. В них не было ни страха, ни радости, ни узнавания. Только глубокая, бездонная пустота. Взгляд, который видел сквозь тебя, в какую-то другую, непостижимую даль.

Её губы шевельнулись. Она прошептала что-то. Звук, похожий на шёпот ветра в кронах, на лёгкий шелест песка, сыплющегося в бездонный колодец. Лиам почувствовал резкую, короткую боль в виске, будто там лопнул крошечный сосуд.

Её пальцы сжали куклу крепче. Он осторожно дотронулся до её запястья. Кожа была холодной. Не от утреннего воздуха, а внутренним, глубинным холодом, как у камня, пролежавшего в вечной тени. Пульс под пальцами был медленным, ровным, как тиканье старинных часов в пустом доме.

Он поднял её на руки. Она весила пугающе мало. Не обвила его за шею, не прижалась. Просто повисла, безвольно, кукла болталась в её ослабевшей руке.

Когда он нёс её к машине, её голова лежала у него на плече, а глаза смотрели поверх него, назад, в чёрную чашу леса, из которой она вышла.

И оттуда, из самых глубин зелёного мрака, в ответ донёсся крик ворона. Одинокий, рваный, полный немого предупреждения.

Он уложил её на заднее сиденье, укрыл своей же курткой. Перед тем как сесть за руль, он обернулся к Финчу.

— Говард. Ни слова. Даже жене. Это приказ.

Финч лишь кивнул, его лицо было серым от шока.

Дорога обратно казалась вдвое длиннее. В зеркало заднего вида Лиам видел, как Лора лежит неподвижно, уставившись в потолок машины. Его мозг пытался анализировать, цепляться за факты. Шок. Гипотермия. Длительная изоляция. Но факты разбивались о главное: десять лет. И её лицо. Её нерушимое, невозможное лицо.

Он въезжал в Грэнтон, когда первые лучи солнца коснулись вершины Пропасты, окрасив её каменные зубы в кроваво-красный цвет. Город ещё спал, мирно, глухо. Но Лиам Брок, смотря на эти спящие окна, вдруг с абсолютной, холодной ясностью понял: тишина Грэнтона была обманчива. Это была тишина зверя, притаившегося в засаде. И что-то только что потревожило его сон. Что-то маленькое, холодное и безмолвное лежало у него на заднем сиденье, и теперь этот зверь, невидимый и древний, устремил свой взгляд прямо на него.

Его рука непроизвольно потянулась к зеркалу, чтобы ещё раз взглянуть на неё. И в этот миг их взгляды встретились в отражении. Её пустые глаза смотрели прямо на него. А в уголках её губ дрогнуло что-то, что никак не могло быть улыбкой. Это было движение, лишённое всякого человеческого тепла, простое растягивание кожи.

Лиам резко отвёл глаза, вжался в сиденье и нажал на газ, стараясь обогнать ледяной холод, подступавший из глубины собственной машины. Он вёз в город не спасённую девочку. Он вёз ящик Пандоры. И крышка была уже приоткрыта.

Глава 2. Данные и предчувствия

В кабинете доктора Эллисон Рэйес пахло не только антисептиком, но и страхом, кислым, металлическим, как запах батареек, оставшейся на морозе. Лиам Брок сидел напротив, сжимая в руках бумажный стаканчик с кофе, который успел остыть ещё в коридоре. На столе между ними лежала стопка распечаток, и каждая из них была похожа на страницу из учебника по несуществующей физике.

— Начнём с очевидного. — Голос Эллисон звучал профессионально ровно, но в нём слышался подспудный, почти не уловимый трепет. — Пациентка женского пола, внешний вид соответствует возрасту десяти-одиннадцати лет. При поступлении: гипотермия средней степени, уровень сознания, ступор. Внешних повреждений нет. Признаков физического или сексуального насилия не выявлено.

Лиам кивнул, мысленно составляя список: похищение с целью удержания, возможно, психологический контроль, синдром Стокгольма. Его мозг, отточенный в Сиэтле, с жадностью цеплялся за любую рациональную щель.

— Теперь к странностям. — Эллисон взяла верхний лист. — Температура тела стабильно держится на отметке 34.2 градуса по Цельсию. Это не просто переохлаждение, Лиам. Это... установившееся состояние. Как если бы её термостат был перепрограммирован. Пульс — 44 удара в минуту. Ровно. Как метроном. Артериальное давление — 90 на 60. Для ребёнка её роста и... предполагаемого возраста... это нижняя граница нормы, но в контексте остального...

— В контексте чего? — спросил Лиам, отпивая холодную горечь кофе.

— В контексте этого. — Она протянула ему рентгеновский снимок черепа. — Обрати внимание на структуру лобной кости, здесь, над надбровными дугами.

Лиам прищурился. На монохромном изображении, среди привычных теней и светлых пятен, он различил тончайшую, почти изящную сетку из микроскопических белых точек и завитков. Они не были хаотичными. Они образовывали сложный, повторяющийся узор, напоминающий то ли спираль, то ли... снежинку, вмёрзшую в кость.

— Это что, болезнь? Опухоль?

— Нет. Это минеральные отложения. Кальция, кремния, ещё чего-то, чего наш спектрометр не смог идентифицировать с уверенностью. Они вросли в кость, Лиам. Не как результат травмы или инфекции. Как будто... кристаллизовались изнутри, следуя определённой схеме. Такого в медицинской литературе не описано. Я не знаю на сколько это опасно.

Лиам отложил снимок. Щель в его рациональной стене дала первую трещину.

— Анализы крови?

— Самые странные. — Эллисон взяла следующий лист, испещрённый графиками и цифрами. — Уровень гормона роста практически нулевой. Как у глубокого старика. Кортизол, маркеры стресса в норме, как у спящего младенца. Но вот эти белки... — Она обвела ногтём строку с незнакомыми аббревиатурами. — Это пептиды, которых нет в стандартных базах данных. Они... чужие. И клеточный возраст. Лиам, по длине теломер... её клеткам не более десяти-одиннадцати лет. Вообще. Нет признаков старения за последнее десятилетие. Время для её организма... остановилось.

Трещина стала шире.

— Гипотезы? Любые. Самые безумные.

Эллисон откинулась на стуле, сняла очки, протёрла переносицу.

— С медицинской точки зрения? Нет! Нет гипотез. Это, как если бы она провела последние десять лет в криокамере, но без криокамеры. Это невозможно Лиам! Или... или она никогда и не покидала того леса. А то, что мы видим это лишь... тень, отброшенная из прошлого.

Лиам резко встал, его стул с визгом отъехал назад.

— Нет. Нет никаких теней из прошлого. Есть факты. Кто-то её держал. Где-то. Возможно, под землёй, в условиях, замедляющих метаболизм. Возможно, применял неизвестные препараты. Это наша работа найти этого человека.

— Лиам, — тихо сказала Эллисон. — Я провела с ней три часа. Я смотрела в её глаза. Там ничего нет. Ни страха, ни памяти, ни... души. Это пустота. И эта пустота... она леденит.

Он не ответил. Не мог. Вместо этого перешёл к следующему пункту:

— Её поведение?

Эллисон вздохнула и достала из папки лист бумаги. На нём, от края до края, была выведена одна непрерывная линия. Спираль. Идеально ровная, закрученная с геометрической точностью. В самом центре линия обрывалась, не сходясь в точку, создавая ощущение бесконечного падения внутрь.

— Она рисует это. Только это. На всём, что попадает под руку: бумаге, простыне, конденсате на стекле. Никакой другой активности. Кроме одного. — Доктор достала диктофон, нажала кнопку. Сначала было слышно только тихое гудение аппаратуры. Потом мерный звук: кап... кап... кап... вода из крана в раковине. И через ровно пять секунд после каждой капли тихий, чёткий щелчок. Языком о небо. Кап, пауза, щелчок. Кап, пауза, щелчок.

— Она повторяет любой ритмичный звук, — прошептала Эллисон, выключая запись. — С идеальной, абсолютной задержкой. Как эхо в очень глубоком, очень пустом колодце.

Лиам почувствовал, как мурашки пробежали по его спине. Это уже сложно было списать на психоз или травму. Это был какой-то сбой в самой прошивке реальности. Но он подавил эту мысль, задвинул её в самый тёмный угол сознания.

«Синдром... Аутизм, усугублённый травмой... Воздействие неизвестных препаратов. Надо найти объяснение. Надо поговорить с родителями».

Глава 3. Тени в глазах отца

Родителей привели через боковой вход, чтобы избежать лишних глаз. Сара Клэй, когда-то цветущая женщина с каштановыми волосами, теперь напоминала высохший цветок не смотря на восьмой месяц беременности. Её пальцы, тонкие и нервные, всё время что-то теребили: край кофты, прядь волос, крестик на шее. Дэвид, её муж, был её полной противоположностью. Он вошёл, как входят в зал суда, тяжело, негнуцимися шагами, его широкие плечи были напряжены, а лицо застыло в каменной, непроницаемой маске. От него веяло холодным, сковывающим ужасом.

Им показали Лору через зеркало Гезелла. Сара, увидев дочь, издала сдавленный крик, похожий на крик чайки, и прижала кулаки ко рту. Слезы хлынули из её глаз, но по лицу расплзлась улыбка, широкая, нелепая, болезненная улыбка абсолютного, безумного счастья.

— Лора... солнышко моё... — зашептала она, прилипнув лбом к стеклу.

Дэвид не плакал. Он стоял в двух шагах позади жены, и его глаза, серые и острые, как щепень, изучали девочку с методичной, почти клинической жестокостью. Он смотрел не на дочь, а на феномен. На невозможность.

— Дэвид, — тихо позвала Сара, оборачиваясь к нему с мольбой. — Это она. Это наша девочка. Смотри.

— Нет.

Сара замерла, улыбка сползла с её лица.

— Это не Лора, — продолжил Дэвид, его голос был хриплым от напряжения. — Лоре двадцать лет. Это... это её призрак. Или кукла. Где её годы, Сара? Где её жизнь? Кто нам это подбросил? И зачем?

Эллисон увела их в отдельную комнату. Лиам остался наблюдать за Лорой. Та, словно почувствовав взгляд, медленно повернула голову к зеркалу. Их взгляды встретились через стекло. И в её пустых, тёмных глазах Лиам вдруг увидел не отсутствие мысли, а её иную форму. Не человеческую. Холодную, расчётливую, изучающую. Как взгляд энтомолога на булавке. Он отшатнулся.

Из комнаты родителей донёсся приглушённый, яростный спор, прерываемый рыданиями Сары. Потом хлопнула дверь. Через минуту в коридор выскочил Дэвид Клэй. Его лицо было искажено не гневом, а паникой.

— Шериф. Вы должны... вы должны отдать её мне. Сейчас. Я увезу её отсюда. Домой.

— Мистер Клэй, она нуждается в наблюдении. Мы не можем...

— Вы не понимаете! — Он схватил Лиам за рукав, его пальцы впились в ткань с силой клешни. — Она не должна быть здесь! Она не должна быть на виду! Оно... оно может увидеть, что она вернулась! И тогда... тогда оно возьмёт кого-то ещё!

Лиам осторожно освободил руку.

— Оно? Кто?

Дэвид замер, осознав, что сказал. Паника в его глазах сменилась ледяным, знакомым Лиаму по другим делам ужасом свидетеля, который боится не преступника, а последствий своих слов. Он отступил, покачал головой.

— Забудьте. Я... я не в себе. Просто отдайте мне мою дочь.

— Как только врачи скажут, что она стабильна, — пообещал Лиам, но в душе уже знал, что не отдаст. Не этому человеку, в глазах которого читалась не любовь, а древний, дикий страх, передаваемый, похоже, из поколения в поколение.

Глава 4. Первый камень предковения

Вернувшись в участок, Лиам попытался погрузиться в рутину. Он запросил из архивов все дела об исчезновениях за последние тридцать лет. Просматривал отчёты о поисковых операциях. Искал зацепки, связи, любую ниточку. Но Грэнтон хранил свои тайны крепко. Дела были оформлены безупречно и... пусто. Как будто люди не исчезали, а растворялись в воздухе.

Раздался стук в дверь. На пороге стоял журналист местной газеты Итан Кольер. Он был трезв, одет в поношенную, но чистую рубашку, и в его руках был не номер «Шёпота», а толстая, потрёпанная папка. Запах от него исходил не виски, а пыли архивов и старой бумаги, что в последнее время бывало редко.

— Шериф. Можно?

Лиам, уставший от бессмысленного копания в бумагах, кивнул.

— Если вы принесли очередную теорию о пророчевидных пришельцах, Кольер, то я занят.

Итан усмехнулся — сухо, беззвучно.

— Нет пришельцев. Только история. Местная история. Та, которую здесь предпочитают не вспоминать. — Он положил папку на стол. — Лора Клэй далеко не первая. И, боюсь, не последняя.

Лиам открыл папку. Внутри были фотокопии старых газетных вырезок, заметок из церковных хроник, даже несколько страниц из школьного альбома. 1949 год. Мальчик, Джимми Прайс. Фотография улыбающегося парнишки с разбитым коленом. Рядом заметка через три дня: «Найден живым. Шок. Потеря памяти». И вырезка из 1968 года: «Скончался Д.Прайс, тихий и набожный прихожанин». На полях чьей-то рукой приписано: «Никогда не женился. Боялся темноты. Всё раскладывал по кругу».

1963 год. Девочка, Сьюзен Мэйфилд. Снимок с семейного пикника. Заметка о исчезновении. И... справка из лечебницы «Кедровая роща», куда её поместили в 1975-м с диагнозом «шизофрения». В графе «особые приметы»: «Периодически рисует геометрические фигуры на любых поверхностях».

— Что это? — спросил Лиам, хотя ужасная догадка уже начинала кристаллизоваться в его мозгу. — Случайные трагедии?

— Слишком часто для случайности, — сказал Итан. — Раз в десять-пятнадцать лет. Как по расписанию. И всегда кто-то из них возвращается. Изменённым. Сломанным. Или... как ваша Лора. Замороженным.

— Вы хотите сказать, что в лесу живёт какой-то... маньяк? Действующий циклами? Секта? — Лиам попытался втиснуть это в привычную парадигму.

— Маньяк... — Итан задумчиво повторил слово, как будто пробуя его на вкус. — Да, пожалуй, это самое близкое определение. Только этот маньяк... не человек. И его мотивы нам не понять. Он не убивает из ненависти или похоти. Он... коллекционирует. Изучает. А потом иногда возвращает экспонаты обратно, когда они перестают быть интересными, или когда ему нужно освободить место для новых.

Лиам засмеялся. Звук получился резким, фальшивым, режущим тишину кабинета.

— Прекрасно. Значит, у нас в лесу завёлся коллекционер душ. Спасибо, Кольер, это очень поможет в составлении ориентировки. Я так и напишу: «Осторожно, метафизический маньяк, крадёт детей раз в десятилетие». Я буду искать преступника. Из плоти и крови. Со следами, мотивами, уликами. А не призрака из сказок.

Итан смотрел на него не с обидой, а с жалостью. Той самой жалостью, которой смотрят на человека, стоящего на краю обрыва и отрицающего законы гравитации.

— Хорошо, шериф. Ищите. — Он встал, оставив папку на столе. — Копайте архивы. Опрашивайте свидетелей. Но когда вы упруётесь в стену, когда ваши факты начнут таять, как сон на рассвете... вспомните этот разговор. И спросите себя: что, если коллекционеру понравилось, как вы ищите? Что, если теперь он заинтересовался вами?

Он ушёл, оставив после себя тяжёлое молчание и папку, лежащую на столе, как обвинительный акт против здравого смысла.

Лиам с силой швырнул карандаш в стену. Он разлетелся на куски. Глупости. Всего лишь совпадения, нагнетание атмосферы суеверными обывателями. Он шериф. Он верит в отпечатки пальцев, в ДНК, в логические цепочки.

Он подошёл к окну. На улице уже стемнело. Над Пропасью не было звёзд, их скрывали низкие, тяжёлые тучи. И тогда он увидел это. В глубине своего отражения в стекле. На мгновение, на долю секунды, ему показалось, что за его спиной, в тёмном углу кабинета, где стоял шкаф со старыми делами, притаилась невысокая фигура. Не Лоры. Другого ребёнка. Светловолосого мальчика в коротких штанах и заплатанной рубашке.

Лиам обернулся так резко, что у него хрустнула шея.

В кабинете никого не было. Только тени. И папка на столе, из которой словно сочился тонкий, невыносимый холод, поднимающийся по ногам и цепенеющей руке, всё ещё сжимавшей обломки карандаша.

Рациональный мир дал ещё одну, более глубокую трещину. И из этой трещины, казалось, доносился тихий, насмешливый шепот. Шепот того, кто коллекционировал тишину и страхи. И, возможно, уже присмотрел для своей коллекции новый экземпляр.

Глава 5. Элис

Дом Итана Кольера не был домом. Это была скорлупа, брошенная на берег после того, как ушло море. Он захлопнул за собой дверь, и привычная, густая тишина обрушилась на него, как тяжёлое, влажное одеяло. Воздух пах пылью, остывшим пеплом из камина и ещё застоявшимся временем и невыплаканными слезами.

Разговор с шерифом Броком жёг изнутри. Упрямый, слепой щенок, воющий на дверь, за которой сидел не волк, а целый иной мир. Итан видел в его глазах то же самое отторжение, ту же самую рациональную спесь, которая когда-то была и у него самого. И это было невыносимо. Он не мог позволить Броку совершить ту же ошибку. Не мог позволить городу снова принести жертву на алтарь своего страха.

Он подошёл к каминной полке. Среди пыльных безделушек стояла одна чистая, ухоженная рамка. Фотография. Элис. Не та, поздняя, с уже потухшим взглядом, а ранняя. Снятая на пикнике у озера Клатскат, за год до того, как всё началось. Она смеялась, запрокинув голову, в руке стебель одуванчика, пух которого вот-вот должен был разлететься. Солнечные зайчики играли в её каштановых волосах. Она смотрела прямо в объектив, и в её зелёных глазах жил целый мир: остроумие, тепло, тихая, упрямая любознательность, которая и привела её в библиотеку, а потом и к краю пропасти.

Итан взял рамку в руки, его пальцы слегка дрожали. Холодное стекло было единственной связью с тем миром, который он разрушил своим неверием.

Тогда. Пять лет назад.

Сначала это были просто разговоры. За ужином, за чашкой чая.

— Знаешь, Итан, сегодня в архивах попался дневник первой жены лесозаводчика Клэя, 1890-х годов, — говорила Элис, её глаза блестели азартом исследователя. — Она пишет, что их младший сын, Сэмюэль, бредил про «мальчика в горе», который зовёт его играть. Мальчика, который «потерялся во время Великого Обвала». Это же поэтично и жутко!

Итан отмахивался, зачитывая вслух криминальную хронику.

— Поэтично. Наверное, ребёнок просто боялся темноты, а мамаша любила драматизировать. Передай соль.

Потом появились аудиозаписи. Элис, библиотекарь до мозга костей, начала систематизировать «фольклор Пропасти». Она записывала интервью со старейшими жителями. Старуха Мэй (тогда ещё не такая древняя) говорила с ней настороженно, но что-то рассказывала. Говард Финч-старший, отец нынешнего, прощамкал беззубым ртом что-то о «светящихся огоньках» и о том, что его дед «слышал детский смех из-под земли». Элис приносила эти кассеты домой, и они слушали их вместе, смеясь над суевериями. Но смех Итана постепенно становился напряжённым. В голосах стариков была неподдельная, костная боязнь.

Затем Элис стала просыпаться по ночам. Сначала редко, потом всё чаще.

— Мне опять снился тот лес, — говорила она, сидя на краю кровати, кутаясь в халат. — И в нём... не мальчик. Просто голос. Он не говорит слова. Он... зовёт. Протяжно. Как эхо. И в этом зове такая тоска, Итан... такая бесконечная, одинокая тоска.

Итан, уже раздражённый её «проектом», грубил:

— Перестань копать в этом дерьме, Элис! Ты начинаешь видеть это во сне! Это самовнушение!

Она смотрела на него не с обидой, а с печалью, как на ребёнка, который боится темноты и поэтому кричит на неё.

— Это не самовнушение. Это память места. Он хочет, чтобы его услышали.

А потом была та ночь. Октябрьская, ветреная, с первым ледяным дождём. Он проснулся от холода, раскрытое окно, занавески трепетали, как паруса призрачного корабля. Кровать рядом была пуста.

Сердце упало. Он бросился на улицу, в одних пижамных штанах, накинув на плечи куртку. Дождь сек по лицу. Он знал, куда бежать.

Он нашёл её на Старой Смайлер-роуд, в том самом месте, где годы спустя найдут Лору Клэй. Она стояла босиком в грязи и мокрых листьях, в одной ночнушке, прилипшей к телу от дождя. Она не дрожала. Она смотрела на чёрный силуэт Пропасты, и на её лице сияло выражение такого безмятежного, такого чуждого блаженства, что у него перехватило дыхание.

— Элис! Ради всего святого!

Она медленно повернулась. Капли дождя стекали по её щекам, как слезы.

— Он показал мне, Итан, — прошептала она, и её голос звучал отстранённо, будто доносился издалека. — Он показал мне свои игры. Города из теней и света. Приятные воспоминания. Он так одинок. Он просто хочет, чтобы с ним поиграли. По-настоящему. Он говорит... он говорит, что взрослые играют неправильно. Они играют в злость, в жадность, в страх. Он хочет играть в чистые игры. В прятки. В догонялки. Но его игра... она длится слишком долго для нас. И мы ломаемся.

Он схватил её, почти силой, закутал в свою куртку, потащил домой. Она не сопротивлялась. Она улыбалась той же неземной улыбкой. В ту ночь он впервые увидел в её глазах не свою жену, а кого-то другого. Кто-то, кто смотрел на него из глубины, с любопытством и лёгкой жалостью.

На следующий день приехали врачи.

«Острый психотический эпизод. Возможно, шизофрения».

Итан, испуганный, измученный, полный стыда за свой страх и злости на эту нелепость, подписал бумаги. Когда санитары вели её к машине, она на прощанье посмотрела на него и сказала тихо, но очень чётко:

— Ты боишься его, потому что не понимаешь. Но он не злой, Итан. Он потерянный. Как я теперь.

Её слова стали приговором их обоим.

Итан поставил фотографию обратно. По его щеке скатилась слеза, оставив горячий след на холодной коже. Он не вытирал её.

Всё, что он говорил Броку, было правдой, но не всей. Он не показал ему главного, дневника Элис. Той самой тетради в бархатном переплёте, которую он прятал даже от самого себя.

Он прошёл в гостиную, не включая свет, и подошёл к книжному шкафу. Его пальцы, привыкшие к этому движению, сами нашли нужный промежуток между толстыми томами по истории Орегона. Он достал её, тетрадь в бархатном переплёте, тёплую на ощупь, будто живущую своей собственной, замедленной жизнью. Дневник Элис.

Он не открывал её годами. Боялся. Но сейчас, с холодной девочкой в больнице и упрямым шерифом, который шёл тем же путём неверия, страх перед прошлым стал слабее страха перед тем, что может повториться.

Он сел в её кресло у камина, включил настольную лампу. Свет вырвал из мрака круг на страницах, испещрённых аккуратным, женским почерком, который к концу становился всё более нервным и рваным. Он начал читать наугад, ища не доказательства для Брока, а подтверждение для самого себя, что он не сходит с ума.

...он говорит не словами. Он говорит чувствами. Прямой трансляцией. Сегодня он передал мне ощущение падения, долгого, бесконечного, в полной темноте, но без страха. Только удивление. А потом удар. И тишина. И долгое-долгое одиночество в темноте, пока не появился первый свет. И первые голоса сверху. Люди. Они были так заняты, так громки. Они не видели его. Не слышали. Он стал наблюдать. Это была его первая игра...

...иногда он берёт тех, кто подходит близко. Не из злобы. Из любопытства. Как ребёнок берёт жука в банку. Он смотрит, как они живут, как думают, как боятся, как любят. Потом выпускает. Но банка меняет жука. А его игра длится для жука целую жизнь...

...он не понимает времени. Для него десять лет, как один вдох. Он не понимает, что отбирает у нас. Он думает, мы просто устаём от игры и засыпаем. А когда просыпаемся, готовы снова. Он не знает о смерти. Он знает только сон...

Итан перевернул страницу, и его дыхание застряло в горле. На следующем листе был набросок. Небрежный, сделанный на полях, но узнаваемый. Спираль. Та самая, ровная, закрученная к невидимому центру. А под рисунком подпись Элис: «Увидела во сне. И на камне у Чёрного ручья. Он называет это «дыханием». Голос тишины?»

Сердце Итана заколотилось. Он лихорадочно пролистал дальше, к последним, самым трудным для чтения страницам. Там, среди записей о «голосе в водопроводе» и «тнях, растущих из стен», он нашёл ещё одну пометку, сделанную уже дрожащей рукой:

«Спросила Мэй про старые случаи. Она сказала: «Те, кого возвращают, всегда несут на себе знак. Внутри или снаружи. Они становятся тихими. Упорядоченными. Или рисуют одно и то же. Круги. Спирали. Как будто пытаются повторить узор, который выжгли у них в мозгу». Спросила — какой узор? Она не ответила. Но её глаза... она знает. Она всегда знала».

Итан откинулся на спинку кресла, в голове у него стучало. Узор. Спираль. Знак. Лора рисовала спирали. В отчёте 1963 года о Сьюзен Мэйфилд упоминались «геометрические фигуры», которые она выцарапывала на стене палаты. Даже в деле о мальчике в 1949 году соседи говорили, что он «всё раскладывал по кругу».

Это была не просто мистическая чепуха. Это был симптом. Физическое, документально подтверждённое проявление одного и того же... состояния. Заражения. Воздействия.

Он поднял голову и посмотрел в чёрное окно, за которым маячил силуэт Пропасты. Это не была сила природы в абстрактном смысле. Это было что-то с памятью. С привычками. С узнаваемым почерком. Что-то, что оставляло свою подпись на жертвах, как художник ставит монограмму на картине. И эта подпись была спиралью.

Ему были не нужны теперь газетные вырезки. Ему нужен был этот дневник и медицинские заключения по старым случаям. Нужно было доказать Броку, что Лора не уникальный инцидент, а часть серии. Часть цикла. Проявление болезни места, которая имеет свою диагностическую картину.

Он встал, твёрдо сжимая тетрадь. Страх сменился леденящей решимостью. Он не позволит городу списать Лору на несчастный случай или работу маньяка. Он не позволит им заткнуть рот правде ещё на одно десятилетие, пока не придёт черёд следующего ребёнка.

Он взял дневник, свою папку и вышел на крыльцо. Ночной воздух был холодным и острым. Ветер с Пропасты донёс до него запах прелой хвои и далёкой грозы. Итан твёрдо направился в сторону тёмного центра города. Он шёл к шерифу. И на этот раз он принесёт не слухи, а улику. Улику, написанную почерком его жены и повторённую карандашом в руке потерянной девочки. Улику в виде спирали, тихого, ужасающего крика о помощи, который длился уже больше ста лет.

Глава 6. Дуга страха

Три дня. Три дня Лиам Брок жил в своём кабинете, как отшельник в келье, отгороженный от внешнего мира грудой бумаг, карт и кофейных стаканчиков. Воздух здесь стал своим, замкнутым миром, пахнущим бумажной пылью, чернилами и навязчивой идеей.

Стена напротив его стола превратилась в святилище безумия. На огромную топографическую карту окрестностей Грэнтона, купленную в туристическом центре в Лейк-Вью, он нанёс сетку координат. Затем начал втыкать булавки. Процесс был медитативным, почти священным.

Красные булавки. Места исчезновений. Каждая с крошечной бумажной биркой. 1949. Мальчик, Джимми Прайс, пропал, собирая хворост в полумиле от Чёрного ручья. 1963. Сьюзен Мэйфилд исчезла с тропы во время школьной экскурсии к водопаду Слэз (ироничное название теперь вызывало у Лиам спазм в желудке). 1972. Мисс Эвис (тогда просто девочка Эвелин) потерялась на семейном пикнике. 1987. Пять шахтёров. Шахта «Глаз Дьявола». Красный флажок, как клякса крови. 1995. Арчи Бэйнс. Озеро Клатскат. 2004. Подросток, Марк Тиллман, ушёл в лес с металлоискателем и не вернулся. 2014. Лора Клэй. Старая Смайлер-роуд.

Синие булавки. Места, где их находили. Все те же, кроме шахты. Синие головки теснились возле красных, но не всегда точно. Джимми Прайса нашли в двух милях от места исчезновения, у подножия крутого обрыва, куда, по словам спасателей, одиннадцатилетний мальчик вряд ли мог забраться сам. Синие булавки образовывали пунктирную линию.

Зелёные булавки. «Места тишины». Дом престарелых. Лечебница «Кедровая роща» для Сьюзен Мэйфилд. Скромный домик мисс Эвис. Квартира матери Арчи Бэйна в соседнем городке, куда они переехали. Здесь, по словам Итана, «возвращенцы» жили своей странной, замершей жизнью.

Лиам отступил на шаг, прищурился. Затем взял моток тонкой бечёвки. Он начал соединять синие и зелёные булавки, не следуя дорогам, а прямо, по воздуху. Сначала ничего. Потом, едва уловимая дуга. Он добавил красные булавки, соединив места исчезновений. Дуга стала чётче. Она не была идеальным полукругом, это была неровная, зубчатая линия, но её направление было неоспоримым. Она огибала восточный склон Пропасты, как гигантская подкова, брошенная вокруг горы. Все случаи лежали внутри этой подковы. Ни один за её пределами

Эпицентр, геометрический центр этой дуги, пришёлся аккурат на чёрное пятно, обозначавшее шахту «Глаз Дьявола». Лиам измерил расстояние. От шахты до самой дальней точки (озеро Клатскат) 3.2 мили. До ближайшей (Старая Смайлер-роуд) чуть больше мили. Радиус действия. Как у маяка. Или у хищника, патрулирующего свою территорию.

Он сел за стол, руки дрожали от адреналина и кофеина. Это не могло быть случайностью. Он вспомнил курс криминальной географии. Психологический профиль маньяков, которые действуют в «комфортной зоне». Но здесь зона была не вокруг дома преступника, а вокруг пустого места в горе. И временной промежуток десятилетия. Ни один маньяк не живёт так долго и не действует с такой периодичностью.

Тут дверь распахнулась, и ворвалась Эллисон Рэйес. На сей раз в её глазах был не научный азарт, а профессиональное бессилие, смешанное с личным страхом.

— Лиам, я не знаю, что делать. — Она опустилась в стул, не снимая куртки. — Это выходит за рамки медицины. И за рамки моих полномочий.

— Что случилось? Девочке хуже?

— Нет. В том-то и дело. Она стабильна. Ужасающе стабильна. Её показатели не меняются на йоту. Она не спит, не бодрствует. Она... пребывает. И рисует.

Эллисон достала из папки не распечатки анализов, а стопку листов. Десятки, может, сотни листов. На каждом та же самая спираль. Иногда маленькая, в углу, иногда занимающая весь лист, карандашный стержень стирался до металла от нажима.

— Она не останавливается. Если дать ей бумагу, она заполнит её одним узором. Если бумаги нет, она рисует пальцем на простыне, на запотевшем стекле, на подносе для еды. Медсёстры боятся заходить к ней. Говорят, от неё исходит холод.

— А родители?

— Мать, Сара... она не уходит. Ночует на раскладушке у двери палаты. Сегодня утром санитарка услышала, как она плачет во сне. Не просто плачет, а... умоляет. Повторяла одно и то же: «Не забирай моих детей... пожалуйста, не забирай моих детей...» — Эллисон сглотнула. — Она на восьмом месяце, Лиам. Это стресс, который ей противопоказан. Я пыталась уговорить её поехать домой, отдохнуть. Она смотрела на меня пустым взглядом и сказала: «Я не могу его оставить. Он заберёт и этого». Она говорила о ребёнке, которого ждёт.

Лиам почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Страх Сары был уже не за Лору, а от неё. Или от того, что она представляла.

— А отец? Дэвид?

Эллисон потёрла виски.

— Дэвид Клэй — это отдельная история. Он был сегодня у меня. Требовал немедленно выписать Лору. «Она моя дочь, я заберу её домой, вы не имеете права её держать». Я объясняла про необходимость наблюдения, про нестабильное состояние. Он не слушал. Говорил, что все эти ваши анализы и исследования только делают хуже. «Вы светите фонарём в его окно! — кричал он. — Вы показываете ему, что она здесь! Он придёт и заберёт её обратно, а заодно может и кого ещё!» Потом он... он извинился. Сказал, что не в себе. Но его глаза, Лиам... он не просто боится. Он знает что-то. Что-то, что заставляет его видеть в собственной дочери приманку для чего-то ужасного.

Лиам посмотрел на карту. На дугу, в центре которой была его собственная метка «больница». Лора была здесь, в эпицентре внимания. И её отец, похоже, боялся именно этого внимания. Не медицинского, а другого.

— Что ты хочешь от меня, Эллисон? Юридического приказа не отдавать её?

— Я хочу, чтобы ты поговорил с Дэвидом. Как шериф. Официально. Объяснил, что это часть расследования. Что девочка свидетель. Что её нельзя просто забрать. И... — Она замолчала. — И узнал, что он имеет в виду под «он». Кто этот «он», который может прийти? Похититель? Или...

Она не договорила. Не нужно было. Её взгляд скользнул к карте на стене, к дуге страха, вычерченной красными и синими булавками.

— Он не скажет, — тихо произнёс Лиам. — Он боится. Так же, как боится мэр и весь его совет. Они боятся не преступления, а... последствий расследования. Как будто само наше любопытство — спусковой крючок.

Эллисон кивнула, вставая.

— Я держу её здесь, сколько могу. На основании нестабильного психосоматического состояния. Но если Дэвид придёт с адвокатом... или если начнётся давление сверху... — Она не стала уточнять, что «сверху» — это мэр Грин. — Поговори с ним, Лиам. И поторопись. Потому что я каждую ночь слушаю, как беременная женщина умоляет невидимого монстра пощадить её нерождённого ребёнка. И мне начинает сниться то же самое.

Она ушла, оставив Лиам наедине с картой и со стопкой рисунков Лоры. Он взял верхний лист. Спираль. Бесконечная, закрученная внутрь себя. Он вдруг представил Сару Клэй, спящую у двери палаты, её рука, произвольно лежащая на округлившемся животе. И её сонный шёпот, обращённый к тьме за окном, к чёрному силуэту Пропасты: «Не забирай моих детей...»

Это была уже не загадка. Это была мина замедленного действия, тикающая в самом сердце его города. И Дэвид Клэй, похоже, хотел просто отнести её подальше, в лес, и надеяться, что она не взорвётся. А Лиам, со своим расследованием, сверлил в этой мине дырочки, пытаясь

разглядеть устройство. Разница была лишь в том, что Дэвид боялся взрыва. А Лиам начинал бояться того, что мог найти внутри.

Глава 7. Узоры на коже

Вопреки инстинкту, который кричал ему зарыться глубже в бумаги, Лиам решил пойти к людям. К тем, кто носил на себе память этой аномалии. Итан оставил ему адрес.

Библиотека Грэнтона была тихим, тёплым местом, пахнущим старым деревом, клеем и бесконечным терпением. За столом каталогов, как часовой на посту, сидела мисс Эвис. Маленькая, сухонькая, в скромном платье и кардигане, её пальцы в тонких белых хлопковых перчатках перебирали карточки с нечеловеческой аккуратностью. Каждое движение было выверено, каждое прикосновение к бумаге мягким и точным. Лиам наблюдал за ней минуту. В её движениях была та же механическая, лишённая суеты плавность, что и у Лоры, когда та рисовала спирали. Только отточенная десятилетиями.

— Мисс Эвис?

Она вздрогнула, как мышь, застигнутая светом фонарика. Книга из её рук выскользнула и с глухим стуком упала на пол.

— О, шериф! Простите, вы меня напугали. — Её голос был тихим, ровным, как струйка воды.

Лиам поднял книгу, старый том по краеведению.

— Извините, я не хотел. Мне нужна помощь с одним... узором. Может, вы встречали что-то подобное в местных орнаментах? У индейцев племени клатскат, может?

Он положил перед ней листок с фотографией спирали Лоры, увеличенной и отпечатанной на глянцевой бумаге. Спираль казалась почти живой, гипнотической.

Мисс Эвис посмотрела на изображение. Сначала с обычным профессиональным любопытством библиотекаря. Потом её глаза, за толстыми линзами, остекленели. Цвет сбежал с её лица, оставив кожу цвета воска. Её дыхание стало частым, поверхностным. Пальцы в перчатках сжались в кулаки, костяшки побелели.

— Нет, — прошептала она, отодвигая листок, будто он был заражён. — Нет, не встречала. Это просто... детские каракули. Без смысла.

— Мисс Эвис. — Лиам наклонился ближе, понизив голос до почти интимного шёпота. — Я знаю, что в 1972 году с вами случилось несчастье. Вы потерялись в лесу. На два дня.

Она замерла. Казалось, она перестала дышать.

— Это... это было давно. Я упала. Ударилась головой. Ничего не помню.

— Но вас нашли. И с тех пор вы всегда носите перчатки. Даже летом.

Её глаза, полные паники, метнулись к двери, к окнам, куда угодно, только не на него.

— У меня... чувствительная кожа. Аллергия. Солнце...

— Мисс Эвис, я здесь не чтобы причинить боль. Я чтобы понять. Чтобы помочь девочке, которая рисует эти спирали. Что с вами случилось? Что вы увидели?

Внезапно она резко встала, задела угол стола, и стакан с карандашами и ножницами опрокинулся с грохотом. Металлический звон пронзил тишину библиотеки. Они бросились поднимать рассыпавшиеся вещи, их руки встретились над упавшей ручкой. В этот момент рукав её кардигана задрался, и манжета тонкой перчатки сползла, обнажив запястье и нижнюю часть ладони.

— О, Боже, простите, я такая неуклюжая! — Её голос сорвался на фальцет, в нём звенела истерика.

Кожа там была покрыта шрамами. Но не обычными, не грубыми. Они были тончайшими, блестящими, как шёлковые нити, вплетённые в кожу. И они не были хаотичны. Они образовывали слабый, едва уловимый, но бесспорный узор. Спираль! Та самая. Начинаясь от цен-

тра запястья и расходящаяся едва заметными витками к краю ладони. Это не было похоже на ожог или порез. Это выглядело так, будто рисунок вырос изнутри, кристаллизовался в тканях.

Мисс Эвис с тихим, полным ужаса криком дёрнула руку, надвинула перчатку и манжет, скрывая узор. Она отшатнулась от стола, прижимая руку к груди, словно раненую птицу.

— Уходите... — Её шёпот был хриплым, полным слёз. — Пожалуйста, просто уходите. Не спрашивайте. Не будите это.

— Не будите что? — настаивал Лиам, его собственное сердце колотилось где-то в горле.

— Его! — вырвалось у неё. — Того, кто внизу. Того, кто смотрит и слушает. Она рисует спирали... значит, он ещё только начал с ней игру. Он только знакомится. Когда он закончит... когда он покажет ей главное... она услышит шёпот. Шёпот, от которого не спрятаться. И тогда она станет как я. Тихой. Навсегда тихой. Её мысли улягутся в узор, и в них не останется места для крика. А вы... — Она посмотрела на него, и в её глазах была не злоба, а бездна жалости. — Вы стучите в его дверь. Громко. Вы звоните в колокол, который он, может, и забыл. Оставьте нас в покое, шериф. Ради всего святого, оставьте нас дремать!

Она выбежала в крошечную служебную комнату и захлопнула дверь. Тихий звук щелчка замка прозвучал громче любого крика.

Лиам остался один среди внезапно враждебной тишины библиотеки. Солнечные лучи, падающие сквозь высокие окна, плясали в пылинках, но несли с собой не свет, а холод. Он посмотрел на свои руки. Ему вдруг показалось, что под кожей на его собственных запястьях тоже начинают проступать тончайшие, невидимые линии. Он резко сжал кулаки, вонзив ногти в ладони. Боль была реальной. Это было хорошо, потому что в этом бреде, обступившем Лиамом со всех сторон, он уже не знал во что верить.

Глава 8. Делегация спокойствия

Возвращение в участок было похоже на вхождение в зал суда после того, как приговор уже вынесен. В его кабинете, среди его карт и его безумия, уже сидели трое. Они не трогали бумаги, не смотрели на стену. Они просто ждали, как члены похоронной комиссии.

Мэр Харолд Грин восседал в кресле Лиама, разглядывая свой маникюр. Бен Кроули, владелец лесопилки, человек с руками, как корни дуба, и лицом, вырубленным из того же материала, стоял у окна, глядя на улицу. Мэриэн Фрост, вдова фермера и столп церковной общины, сидела на краешке стула для посетителей, её сложенные руки лежали на коленях, поза была безупречно смиренной, но от неё веяло незыблемой, гранитной уверенностью.

— Лиам, — начал мэр, не меняя позы. Его голос был тёплым, отеческим, и от этого становилось только хуже. — Мы пришли как друзья. И как голос сообщества, которое, признать, всё больше тревожится.

Лиам остановился у порога, не решаясь войти в собственное пространство, которое уже было занято.

— Тревожится чему? Тому, что я делаю свою работу?

— Твоя работа — поддерживать порядок, — мягко вступила Мэриэн Фрост. — А порядок сейчас шаток. В магазине миссис Гловер мать троих детей сегодня отказалась покупать молоко, потому что дата на упаковке была 13-го числа. Она говорила о «знаках». Бен потерял двух лучших вальщиков — они боятся заходить в свой же лес. Люди запирают детей дома после заката. Шёпоты, Лиам. Старые, плохие шёпоты заполняют тишину, которую мы так лелеяли.

— Я расследую похищение ребёнка, — сказал Лиам, и его голос прозвучал резко в тихой комнате. — Чудесное возвращение, которое является медицинской загадкой. Я ищу правду.

— А иногда правда — это яд, — сказал Бен Кроули, не оборачиваясь с окна. Его низкий голос был похож на скрип несмазанных жерновов. — Яд, который отравляет колодец для всех. Мы предлагаем способ откачать этот яд. Аккуратно. Без лишнего шума.

Мэр наконец поднял на него глаза.

— Мы собрали фонд. Значительный. Для семьи Клэй. Чтобы отправить девочку в лучшую клинику, какую только можно найти. В Стэнфорд, в Майо. Чтобы дать ей шанс на нормальную жизнь. А здесь... дело можно благополучно закрыть. Похищение. Семейная драма. Психически нестабильные лица, которые, к несчастью, скрылись. Город вздохнёт с облегчением. Раны начнут затягиваться.

Лиам почувствовал, как холодный комок ярости подкатывает к его горлу.

— Вы предлагаете мне замять уголовное дело. Сфабриковать версию. Солгать в официальных отчётах.

— Мы предлагаем тебе исцелить, — поправила Мэриэн, и в её голосе впервые прозвучала сталь. — Иногда врач должен ампутировать гниющую конечность, чтобы спасти тело. Иногда нужно прижечь рану, чтобы остановить заражение. Ты ковыряешься в ране, Лиам. И рискуешь занести туда такую инфекцию, от которой не спасёт ни один антибиотик.

— Мой отец тоже любил ковырять, — негромко сказал Бен Кроули, поворачиваясь к нему. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, были пусты. — Он задавал слишком много вопросов о шахте. О том, что случилось. И чем это кончилось? Трагедией. Для него. И для твоей матери. Мы не хотим новой трагедии.

Удар был настолько прямым, настолько личным, что у Лиама перехватило дыхание. Они играли не на страхе за город, а на его собственной, самой глубокой вине. Вине сына, который не смог спасти отца от его демонов.

— Мой отец покончил с собой, — выдавил он, но звук получился хриплым, неубедительным. — Это... личное горе. Не имеющее отношения к делу.

— Всё в Грэнтоне имеет отношение ко всему, — сказал мэр, вставая. Он подошёл к Лиаму и положил ему руку на плечо. Жест был тяжёлым, властным. — Мы не враги, сынок. Мы пытаемся уберечь тебя от пропасти, в которую уже падали другие. Подумай. Но подумай быстро. Тишина — хрупкая вещь. И когда её разбивают, осколки летят во все стороны. И ранят всех. Без разбора.

Они ушли, оставив после себя тяжёлый шлейф запахов: дорогой одеколон мэра, сосновой смолы и опилок от Кроули, сладковатой пудры и ладана от Мэриэн Фрост. Лиам стоял посреди кабинета, чувствуя, как стены сжимаются. Они были не злодеями в классическом смысле. Они были хранителями. Хранителями великого, ужасного, лживого спокойствия. И он стал угрозой этому спокойствию.

Глава 9. Плач отца и ледяной автограф

Он не мог оставаться в четырёх стенах. Он сел в машину и поехал без цели, просто чтобы двигаться. Город в сумерках казался вымершим. Шторы на окнах были плотно задёрнуты. На игровой площадке ни души. Даже собаки куда-то попрятались.

Он оказался на Старой Смайлер-роуд, остановил машину в сотне ярдов от той поляны и пошёл пешком. Лес здесь пах по-другому, не свежестью и жизнью, а гниющими листьями и влажным камнем. Тишина была абсолютной.

И тогда он увидел свет. Неяркий, мерцающий, как от фонарика, у самой кромки деревьев. Он пригнулся и стал подбираться ближе, двигаясь от ствола к стволу.

Это был Дэвид Клэй. Он сидел на корточках перед небольшой, свежевыкопанной ямкой. В руках у него была картонная коробка из-под обуви. Он не молился. Его плечи судорожно подёргивались. Лиам прислушался и услышал не молитву, а сдавленные, горловые звуки, смесь рыданий, брани и отчаяния.

— ...Возьми... вот, чёрт тебя дери, возьми обратно... это твоё... всё твоё...

Дэвид вытряхивал из коробки содержимое: потрёпанного плюшевого мишку, куклу с одной стеклянной глазницей, мячик, раскрашенную ракушку. Он швырял их в яму, не как подношение, а как вызов.

— На! Бери свои проклятые игрушки! Они нам не нужны! Она нам не нужна такой! Оставь её в покое! Оставь нас! Больше не трогай!

Это был не ритуал умиротворения. Это был акт яростного, беспомощного отрицания. Отказ от дара, который оказался проклятием. Дэвид боялся не за дочь. Он боялся дочь. Боялся того, что она принесла в их дом из лесной тишины. Лиам видел, как его спина выгибалась от беззвучных рыданий, как его кулаки били по земле. Это был страх, вывернутый наизнанку, принявший форму бессильной ярости.

Лиам отступил в тень, не в силах смотреть дальше. Он вернулся к машине и поехал домой, и весь мир казался ему теперь тонкой плёнкой, натянутой над бездонной, холодной пустотой, из которой иногда выныривали такие вот сломанные игрушки и сломанные люди.

Дом встретил его ледяным молчанием. Он включил свет в прихожей, прошёл на кухню, на автомате потянулся к шкафчику за стаканом. Его рука повисла в воздухе.

На кухонном столе, посреди идеально чистой, пустой поверхности, стоял стакан. Его стакан, который он помнил в раковине утром. В нём была вода. Вернее, то, что когда-то было водой.

Теперь это был лёд. Монолитный, прозрачный, идеальной цилиндрической формы, до самого дна. Но не это было самым невозможным. В самой сердцевине льда, будто вмурованная туда волей сюрреалистичного скульптора, зияла идеальная, трёхмерная спираль. Она не была вырезана на поверхности. Она была внутри, как призрак, застывший в толще. Свет от потолочной лампы преломлялся в её витках, создавая странные, мерцающие блики на столешнице.

Лиам осторожно, кончиками пальцев, дотронулся до стакана. Холод был обжигающим, неестественным. Он отдернул руку. Это было невозможно. Вода в тёплом доме не замерзает так быстро и так равномерно. И уж тем более не кристаллизуется в заданный, сложный геометрический узор. Это было нарушение самого порядка вещей. Послание, написанное на языке физики, который он всегда считал незыблемым. Оно говорило: «Твои правила для твоего мира. Здесь они не работают. Я могу изменить материю в твоём доме, пока ты спишь. Что ещё я могу изменить?»

В этот момент в дверь постучали. Не громко, но чётко. Три удара, разделённые равными промежутками. Лиам, не отрывая глаз от ледяной спирали, медленно пошёл открывать.

На пороге стоял Итан Кольер. Он был трезв и сосредоточен, как хирург перед операцией. Под мышкой он держал тетрадь в бархатном переплёте.

— Можно войти? — спросил он, и его взгляд скользнул мимо Лиамы, в глубь прихожей, будто он уже знал, что увидит. — Я думаю, теперь ты готов это увидеть. По-настоящему.

Лиам молча отступил, пропуская его. Он не спрашивал, как Итан узнал, что он «готов». Всё, что он мог сейчас делать, это показывать. Он повёл Итана на кухню и указал на стакан.

Итан взглянул на ледяную спираль. На его лице не было удивления. Была лишь горькая, усталая печаль и подтверждение.

— Да. Он оставляет автографы. Когда заинтересуется кем-то всерьёз. Когда чувствует сопротивление. Это его способ сказать: «Я здесь. Я сильнее. Это моя игра».

Он положил тетрадь на стол рядом со стаканом. Бархат и лёд. Два свидетельства одного безумия.

— Это дневник моей жены, Элис, — тихо сказал Итан. — Она вела его, пока не сошла с ума. Как все думают. Здесь всё, что она слышала, чувствовала, догадывалась. О голосах. О снах. О том, что живёт в горе. И о том, что это такое.

Лиам больше не имел сил спорить. Стена фактов, которую он так тщательно выстраивал, рассыпалась у него на глазах, погребённая под медицинскими отчётами, шрамами мисс Эвис, холодным давлением мэра, отчаянием Дэвида Клэя и теперь этим физически невозможным посланием в его собственном доме. Он опустился на стул, чувствуя, как его колени подкашиваются. Усталость была глубже, чем физическая. Это была усталость от борьбы с реальностью, которая отказывалась подчиняться правилам.

— Что она поняла? — спросил он, и его голос прозвучал чужим, сдавленным. — В конце концов?

Итан сел напротив, осторожно открыл тетрадь.

— Она поняла, что мы ищем не того, кто взял. Мы ищем того, что играет. И что эта игра — не про зло. Она про одиночество. Про любопытство. Про скуку, которая длится веками. — Он нашёл закладку. — Она называла это «Сущностью». Но не богом и не демоном. Скорее... ребёнком. Заблудившимся в тёмной комнате, который нащупывает стены и натывается на наши жизни, как на игрушки. И иногда берёт одну, чтобы посмотреть, как она устроена. А потом ставит обратно. Сломанную.

Лиам закрыл глаза. В темноте под веками он видел дугу на карте, спираль во льду, пустые глаза Лоры. Все линии сходились. Не к человеку. Не к маньяку. К чему-то иному. Древнему. И, по словам сумасшедшей женщины, незлобному. Что, возможно, было страшнее любой сознательной жестокости.

— Почитай мне, — просто сказал он. — Всё, что считаешь важным.

Итан кивнул, поправил очки и начал читать тихим, ровным голосом, в котором звучало эхо голоса его жены. Слова ложились на тишину кухни, смешиваясь с холодом, исходящим от стакана, и медленно, неотвратимо меняли сам воздух, которым дышал Лиам Брок. Он больше не был шерифом, расследующим преступление. Он был человеком, стоящим на пороге, за которым лежала география абсолютно иного мира.

Глава 10. Отсчёт пошёл

Утро после разговора с Итаном началось с телефонного звонка. Это была Эллисон, её голос звучал сдавленно, будто она говорила, прикрыв трубку рукой.

— Лиам, приходи. Сейчас. С Лорой что-то новое. И... и её отец здесь. Он привёл адвоката.

Больница встретила его гробовой тишиной. В коридоре у палаты Лоры стояли трое: Дэвид Клэй, его жена Сара, бледная как полотно, с огромными тёмными кругами под глазами, и щеголеватый мужчина в дорогом костюме, явно не местный. Эллисон держала оборону у двери, скрестив руки на груди.

— Шериф Брок. — Дэвид шагнул вперёд, его лицо было каменной маской решимости, под которой бушевало море страха. — Это мистер Шоу, наш адвокат из Портленда. Мы забираем дочь. Сегодня! Все ваши распоряжения о наблюдении незаконны. У вас нет оснований её удерживать.

— Основания — её состояние, мистер Клэй. Она не может дать согласие на выписку, она нуждается в медицинской помощи.

— Она моя дочь! — Голос Дэвида сорвался на крик, эхом прокатившийся по пустому коридору. — И я знаю, что для неё лучше! Лучше — быть дома! Вдали от... от всего этого! — Его взгляд метнулся к окну, за которым темнел склон Пропасты.

В этот момент из палаты донёлся звук. Не крик. Не плач. Монотонное, ритмичное постукивание. Как будто кто-то отбивает медленный, неумолимый такт.

Все замерли. Эллисон распахнула дверь.

Лора сидела на кровати, отвернувшись от них. В руке она сжимала карандаш и методично, раз за разом, ударяла им по металлическому бортику кровати. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук. Ровно один удар в секунду. Как метроном. На столе перед ней лежал свежий лист. На нём была не спираль. Это был простой ряд вертикальных чёрточек, аккуратно выстроенных в линию. Как счёт. Как отметки на стене тюремной камеры.

— Что это? — прошептала Сара, вцепляясь в руку мужа.

— Она начала это сегодня на рассвете, — тихо сказала Эллисон. — Сначала пять чёрточек. Потом шесть. Сейчас... семь. Она считает.

— Считает что? — спросил Лиам, но холодный комок в желудке уже подсказывал ответ. Дни. Она считала дни. Дни с момента возвращения. Или дни до... чего-то.

Мистер Шоу, адвокат, кашлянул.

— Эмоционально тяжёлая сцена, но это не меняет юридических аспектов...

— Закройте рот, — безразличным тоном сказал Лиам, не отрывая глаз от Лоры. Он повернулся к Дэвиду. — Вы видите? Вы понимаете, что с ней происходит? Это не шок. Это программа. Она считает время до следующего акта? И вы хотите отнести её туда, где этот акт должен состояться? В свой дом?

Дэвид задрожал. В его глазах боролись отцовская любовь, древний ужас и ярость беспомощности.

— Ты не понимаешь... здесь она на виду. Он знает, где она. Дома... может, оно забудет. Может, если мы будем тихими...

— Оно не забудет, — перебил его Лиам. — Он уже оставил свой автограф у меня на кухне. На льду. Он играет, Дэвид. И ваша дочь — его любимая игрушка в этой партии. Заберите её — и вы сделаете свой дом центром игровой площадки.

Слово «игра» подействовало на Дэвида, как удар током. Он отшатнулся. Его адвокат что-то бормотал про давление и незаконные предположения, но Дэвид уже не слушал. Он смотрел

на дочь, на её бездумное, механическое постукивание, на ряд чёрточек. И в его глазах что-то надломилось. Он молча развернулся и пошёл прочь, тяжело волоча ноги. Сара, бросив на Лиаму взгляд, полный немой ненависти и благодарности одновременно, бросилась за ним.

Адвокат, оставшись в одиночестве, беспомощно пожал плечами и удалился.

— Ненадолго, — сказала Эллисон. — Он вернётся. С судьёй или с приказом губернатора. У нас, может, день. Два.

Лиам кивнул, глядя на чёрточки. Семь чёрточек. Семь дней, как Лора вернулась. Что наступит на восьмой? На девятый?

Глава 11. Безмолвные свидетели.

Итан ждал его в машине. Узнав о счёте, он побледнел.

— Оно синхронизирует её. Подгоняет под свой ритм. Как заводную куклу. — Он протянул Лиаму листок с адресами. — Я нашёл ещё двоих. Тех, кого нашли и кто ещё жив.

Первый визит был к миссис Этель Брайт, восьмидесяти с лишним лет. Она жила в крошечном домике на краю города, заросшем диким виноградом. Её нашли в 1955 году, в десятилетнем возрасте, спящей на крыльце соседской фермы через два дня после исчезновения. Больше она никогда не говорила.

Она открыла дверь сама, хрупкая, как птичка, с ясными голубыми глазами. Увидев Лиаму в форме, она улыбнулась и жестом пригласила войти. Дом был музеем тишины и порядка. Каждая вещь на своём месте, пылинки не сыскать. Она указала им на диван, сама села в кресло-качалку и... просто смотрела. Улыбаясь. Её руки лежали на коленях, пальцы перебирали складки платья, выписывая в воздухе едва уловимые, повторяющиеся петли. Лиам присмотрелся. Её пальцы выводили микроскопические спирали на ткани.

— Миссис Брайт, — начал Итан мягко, как будто говоря с ребёнком. — Мы хотим помочь одной девочке. Лоре. Она... она сейчас как вы тогда. Молчит. Рисует узоры. Помните, что с вами случилось? В лесу?

Этель Брайт перестала улыбаться. Её глаза стали пустыми, далёкими. Она медленно подняла руку и указала пальцем на восточную стену дома. Туда, где была Пропась. Потом она поднесла палец к губам в жесте «тише». И начала покачиваться в кресле, всё быстрее и быстрее, её пальцы теперь судорожно теребили ткань. На её лице не было страха. Было... сосредоточенное ожидание. Как будто она прислушивалась к музыке, которую слышала только она.

Больше они ничего не добились. Уходя, Лиам заметил на прикроватном столике потрепанную детскую книжку, сборник сказок. Она была раскрыта на одной странице. Иллюстрация изображала мальчика, заглядывающего в тёмную пещеру.

Второй адрес привёл их в государственную психиатрическую лечебницу в Лейк-Вью, в тридцати милях от Грэнтона. Здесь, в отделении для хронических больных, содержался Марк Тиллман, тот самый подросток, исчезнувший с металлоискателем в 2004-м и найденный через неделю без него, в состоянии ступора.

Их провели в убогую, пахнущую хлоркой комнату для посетителей. Марку было теперь под тридцать, но он выглядел старше. Он сидел в инвалидном кресле, уставившись в стену, обитую мягкими матами. Его руки были пристёгнуты мягкими ремнями к подлокотникам, чтобы он не причинил себе вреда.

— Он не агрессивен, — сказала медсестра. — Но он... царапает. Всё время. Если не остановить, стирает пальцы до кости.

Лиам подошёл ближе. Марк не реагировал. Его взгляд был пустым, устремлённым в никуда. Но его пальцы... Даже пристёгнутые, они совершали мелкие, судорожные движения. Будто что-то чертили в воздухе. Лиам наклонился, чтобы разглядеть подлокотники кресла. Пластик был испещрён тысячами тончайших, перекрывающих друг друга царапин. Не хаотичных. Они складывались в тот же самый спиралевидный узор. Он выцарапал его так глубоко, что пластик местами протёрся насквозь.

— Марк, — тихо позвал Итан. — Марк, ты слышишь? Мы из Грэнтона.

Никакой реакции. Только вечное царапанье.

— Что он видел? — прошептал Лиам. — Что могло так... стереть человека?

— Не «что», — сказал Итан, глядя на царапины. — «Кто». И этот «кто» показал ему что-то такое, от чего мозг предпочёл сгореть, оставив только это. Единственную мысль, которую можно выцарапать в вечности.

Выходя из лечебницы, Лиам чувствовал себя так, будто побывал на кладбище живых душ. Тишина миссис Брайт и вечное царапанье Марка были двумя сторонами одной медали, полного стирания личности. И Лора шла по тому же пути. Сначала спирали. Потом счёт. Что дальше? Полная тишина? Бесконечное царапанье?

Они ехали обратно в Грэнтон, когда зазвонил телефон Итана. Он посмотрел на экран и замер. Цвет сбежал с его лица.

Он ответил, слушал секунду, и его рука с телефоном опустилась.

— Она... она проснулась. Элис. Она в сознании. И она просит тебя. Говорит: «Приведи того, кто ищет зло в горе».

Лечебница «Кедровая Роща» была не унылым казённым зданием, а скорее дорогим, ухоженным санаторием, спрятанным в сосновом бору. Воздух пах хвоей и деньгами. Их встретила главный врач, подтянутая женщина лет пятидесяти с озабоченным лицом.

— Мистер Кольер, мы в недоумении. Ваша жена последние пять лет была в стабильном, медикаментозно контролируемом спокойном состоянии. Сегодня утром она проснулась, села в кровати и попросила бумагу и ручку. Мы, конечно, дали. Она написала одну фразу. Врач протянула листок.

Аккуратный, знакомый Лиаму по дневнику почерк. На листе было выведено: «ПРИВЕДИ ЕГО. ТОГО, КТО ЧЕРТИТ КАРТЫ СТРАХА. ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ ПЕРЕД КОНЦОМ ИГРЫ».

— Она говорила что-нибудь ещё? — спросил Итан, его голос дрожал.

— Она сказала: «Он считает. Уже семь. Когда будет десять, игра начнётся по-настоящему». Потом замолчала и смотрела в окно. На восток.

Ледяная игла пронзила Лиама. Семь. Десять. Лора считала дни.

Элис Кольер находилась в светлой, почти домашней палате. Она сидела у окна в кресле, закутанная в плед, и смотрела на лес. Когда они вошли, она медленно повернула голову. Её лицо было бледным, исхудавшим, но глаза... глаза были ясными. Глубокими. И невероятно усталыми, как будто она не спала сто лет.

— Итан... — Её голос был тихим, хриловатым от неиспользования, но твёрдым. — Ты привёл его.

Итан не мог говорить. Он просто кивнул, его глаза наполнились слезами.

— Миссис Кольер, меня зовут Лиам Брок, я...

— Шериф. Я знаю. Ты рисуешь карты. Ищешь узор. — Она внимательно посмотрела на него. — Ты похож на отца. Того же упрямого огня в глазах. Он тоже искал. И нашел слишком много.

— Что он нашёл? — тихо спросил Лиам, присаживаясь на стул рядом.

— Он нашёл дверь. И понял, что за ней — не монстр. Не демон. — Она перевела взгляд в окно. — Душа. Душа, которая играет со страшными игрушками, потому что других у неё нет.

— Вы говорите о... том, что в Пропастях?

Она кивнула.

— Он стар. Очень стар. Но его разум... В момент, когда мир для него оборвался. Он не понимает, что мы хрупкие. Что время для нас течёт иначе. Для него взять кого-то на день — как пригласить поиграть. Но его день — это наши годы. А его игры... они оставляют шрамы. На теле. И в душе.

— Зачем он это делает?

— От одиночества, — просто сказала Элис. — От скуки. Он смотрит на наш мир, как на яркую, шумную витрину. И иногда тянется рукой, чтобы взять понравившуюся игрушку.

Посмотреть поближе. Послушать, какие звуки она издаёт, когда боится, когда радуется, когда любит. Он коллекционер чувств. Живых книжек. А потом... иногда забывает поставить на полку. И игрушка остаётся у него. Навсегда.

Лиам вспомнил пустые глаза Лоры, царапины Марка, тихую улыбку миссис Брайт. Игрушки на полке сувениров безумного, вечного ребёнка.

— Как его остановить?

Элис покачала головой, и в её глазах мелькнула бесконечная печаль.

— Не остановить. Можно только... договориться. Или отвлечь. Дать ему новую, такую интересную игрушку, что он забудет о старой. Но это жестоко. — Она посмотрела прямо на Лиаму. — Он смотрит на тебя. Ты для него новая, сложная головоломка. Ты не боишься. Ты стучишься. Он решил, что ты хочешь играть.

— В какую игру?

— В прятки, — сказала Элис. — Но в его прятках... тот, кто прячется, никогда не хочет быть найденным. Потому что быть найденным — значит стать частью его коллекции. Навсегда. Он уже начал считать. Когда досчитает до десяти... он придёт искать. И он очень хорош в поисках.

Лиам почувствовал, как холодный пот выступил на спине. Счёт Лоры. Десять дней. Десять дней на что?

— Что мне делать?

Элис наклонилась вперёд, и её следующая фраза прозвучала шёпотом, полным древнего, леденящего знания:

— Найди его имя. У всего, что обладает сознанием, есть имя. Имя — это ключ. Ключ может открыть дверь. Или запереть её навсегда. Ищи в самом старом камне. В самой глубокой тишине. До того, как пробьёт десять.

Она откинулась на спинку кресла, внезапно выглядевшей истощённой. Разговор был окончен. Итан, рыдая, обнял её, а она просто гладила его по голове, глядя поверх него на Лиаму. В её взгляде было предупреждение и... что-то вроде надежды.

Возвращаясь в Грэнтон, они молчали. Лес за окном машины казался теперь не просто скоплением деревьев, а живой, дышащей стеной, за которой кто-то огромный и одинокий вёл свой вечный, бессмысленный счёт. У Лиамы было семь, может, шесть дней, чтобы найти имя в самом старом камне. И он не имел ни малейшего понятия, с чего начать и стоит ли вообще слушать бред сумасшедшей женщины.

И тогда его взгляд упал на папку Итана на заднем сиденье. На уголок фотокопии газеты 19-го века. «Великий Обвал 1882 года: трагедия у подножия Спящего Великана».

Самые старые камни. Самая глубокая тишина. И трагедия, которая, возможно, дала начало всему.

Глава 12. Каменная Летопись

Тишина в подвале ратуши была особого рода, густой, вязкой, будто время здесь текло медленнее, оседая пылью на картонных коробках и позеленевших от сырости стенах. Лиам Брок водил лучом фонаря по стеллажам, и тени от коробок с надписями «Налоги 1955-60», «Переписка с округом» плясали на стене, как призраки бюрократии.

— Здесь должно быть что-то старше, — прошептал Итан Кольер, и его шёпот был поглощён тяжёлым воздухом. — До компьютеров. До микрофильмов. Настоящая бумага.

Итан был прав. В самом дальнем углу, заваленном сломанными стульями и старой канцелярией, они нашли железный шкаф. Невысокий, коробчатый, покрытый шершавой ржавчиной. Он был заперт на всякий замок, который, казалось, не открывали десятилетиями. Лиам приставил монтировку, надавил. Замок поддался с тихим, скорбным скрипом, будто ему было больно нарушать покой.

Внутри, на единственной полке, лежала стопка папок из плотного картона, перевязанных бечёвкой. На верхней, на пожелтевшем ярлыке, чьей-то аккуратной, каллиграфической рукой было выведено:

«Инцидент 1882. Обвал. Пропажа. Закрыто.»

Буквы «Закрыто» были подчёркнуты дважды, с такой силой, что перо прорезало бумагу.

Лиам осторожно развязал бечёвку. Она рассыпалась в прах. Под ней лежали вырезки из газеты «Грэнтон Сентинел», октябрь 1882 года. Бумага была хрупкой, как осенние листья, шрифт — витиеватым, полным драматических оборотов.

«Великий Обвал потряс основание Спящего Великана в ночь на 22 октября...»

«...огромная расселина, зияющая на восточном склоне, подобная ране на лице горы...»

«...погибло несколько голов скота, принадлежавших семье Валли...»

«...чудом избежали гибели дровосеки, работавшие в полумиле от места катастрофы...»

И только в последней, самой маленькой заметке, в самом низу колонки, стояло:

«Община скорбит также о пропаже отрока Иакова (Джейкоба) Валли, десяти лет от роду, сына Иезекииля Валли, уважаемого лесозаготовителя. Мальчик пропал в день обвала, отправившись с отцом к восточным склонам. Поиски, продолжавшиеся три дня, не увенчались успехом. Отец мальчика просит не продолжать поиски, заявляя, что «дитя было взято силой, против коей человек бессилён». Община молится о душе отрока.»

— Иезекииль, — прошептал Итан, и его дыхание подняло облачко пыли с бумаги. — «Бог укрепит». Библейское. Суровое.

— А Джейкоб... «последователь». Или «заменитель», — хмуро добавил Лиам, ощущая ледяное предчувствие. — И отец просит прекратить поиски. Сразу.

Под газетами лежала тонкая книга в потёртом кожаном переплёте, метрическая книга приходской церкви Святого Луки. Листали осторожно. Рождение Джейкоба Валли, 1872 год. Крещение. И... пропажа. Та же дата. Тот же текст, что и в газете. И тут Лиам замер. Пальцы, перелистывавшие страницу, встретили пустоту.

Следующие шесть страниц были вырезаны. Не вырваны, не испорчены. Аккуратно, хирургически иссечены острым ножом у самого корешка. Остались лишь тонкие полоски бумаги, торчащие из переплёта, бледные, как шрамы.

— Кто-то хотел, чтобы этого не читали, — прошептал Итан, проводя пальцем по гладкому срезу. — И сделал это давно. Сразу после того, как записали.

На дне папки они нашли ещё один уцелевший лист, письмо, сложенное вчетверо. Бумага была менее хрупкой, чернила чуть ярче. Письмо священника, отца Майкла, епископу в Порт-

ленд, датированное ноябрём 1882 года. Текст был подчёркнут в нескольких местах нервной, дрожащей рукой, не принадлежавшей автору.

«...отец пропавшего отрока, Иезекииль Валли, всегда был человеком благочестивым, но сурового, непреклонного нрава... После трагедии он удалился от общины, отказался от участия в мессах... Твердит о «каре Господней», ниспосланной за некие тайные грехи, и о «нечистоте, кою надлежит очистить огнём веры»... Наотрез отказывается от дальнейших поисков сына, хотя многие готовы помочь... Говорит, что «дитя было проклято и увлечено в расселину силой, против коей человек бессилен, и сие есть знак»... Высказывает всё более тревожные суждения, будто «сама земля возопила под нашими ногами», и требует от общины принести «искупительную жертву», дабы умиловить гнев... Настроения его сеют смуту и страх среди паствы... Прошу совета, как поступить...»

Письмо обрывалось на полуслове. Ни ответа, ни продолжения. Только жирный, чёрный штамп поверх текста: «ЗАКРЫТО. НЕ ПОДЛЕЖИТ ОБСУЖДЕНИЮ.»

— Искупительная жертва, — повторил Лиам, и слова повисли в затхлом воздухе подвала. — Он просто сдался. Отец Джейкоба сдался. Почему?

Воздух снаружи, после подвальной духоты, показался обжигающе свежим, но не принёс облегчения. Солнце било в глаза, но не грело, будто свет здесь был другого качества, холодный, безжизненный.

— Валли... Валли... — бормотал Итан, прищуриваясь. — Знакомая фамилия. Старая семья. Они жили у Чёрного ручья, на отшибе. Вымерли или разъехались...

Он порылся в своей потрёпанной записной книжке, заляпанной чернилами и пятнами от кофе, нашёл номер. Через час они стояли в холле дома престарелых «Тихая Гавань» в Лейк-Вью. Запах антисептика, тушёных овощей и тихого отчаяния.

Эдгара Валли, восемьдесят шесть лет, дальнего племянника того самого Иезекииля, привезли в инвалидном кресле в гостевую комнату. Он был сух, как осенняя ветка, обтянутой тонкой, пергаментной кожей. Глаза, мутные от катаракт, смотрели куда-то сквозь них.

Но когда Итан осторожно, как сапёр, обезвреживающий мину, произнёс:

— «Иезекииль» и «расселина 1882 года». — В этих глазах что-то дрогнуло. Не воспоминание. Страх. Глубокий, костный, передавшийся по крови.

— Прадед Изид... — Голос старика был похож на шелест сухих листьев под ветром. — О нём... не говорили. В семье. Табу. Говорили — Бог наказал. За грехи. Его или города... не знаю.

Он замолчал, его пальцы с узловатыми суставами теребили край шерстяного пледа.

— После... после того, как мальчик родился, он очень изменился... он стал чёрным. Не в лицо. Внутри. Как уголь. Перестал говорить с людьми. Ходил. В лес. К той... дыре. — Эдгар сделал паузу, сглотнув с трудом. — Говорили... он слышал там. Голосок. Детский. Звал. И он... он не хотел, чтобы его слышали. Жертвовал. Всё. Церкви. Последнюю корову. Землю. Говорил, надо «заткнуть пасть». Чтобы она не звала. Больше не звала.

Старик замолчал, его взгляд ускользнул в окно, в серое небо.

— Умер он... глядя на восток. На ту гору. Лицо... не лицо покойника. Как у человека, который всё ждёт. Ждёт, что пасть откроется. И на этот раз... не закроется.

Заткнуть пасть. Лиам почувствовал, как ледяная игла вонзилась ему в основание черепа и поползла вниз по позвоночнику. Это была не метафора. Это была инструкция. Ритуал умиротворения, начатый отцом, который предпочёл не спасать, а откупаться. Откупаться от того, что он, возможно, сам и пробудил. И эта стратегия, трусливая, прагматичная, чудовищная — стала ДНК всего Грэнтона.

Возвращение в город было похоже на въезд в оккупированную территорию. Тишина на улицах была не сонной, а настороженной, злой. На крыльце шерифского участка кто-то разбил глиняный горшок с геранью. Земля и осколки были рассыпаны.

Молодой дежурный, встретив Лиам в коридоре, покраснел и уткнулся взглядом в бумаги.

— Шеф... мэр Грин ждёт вас. У себя в кабинете. Срочно. И... вам звонила Мэй. Из лавки. Просила зайти. Сказала: «Это важнее, чем кажется».

Лиам почувствовал, как сжимается желудок. Он отправился к Мэй первой.

Лавка «У старой Мэй» была открыта, но внутри царил полумрак, будто она сэкономила на электричестве или пряталась от дня. Воздух был густым, почти осязаемым, от смеси запахов: лаванда, полынь, шалфей, кора дуба, что-то горькое и сладковатое одновременно, возможно, корень мандрагоры. Сама Мэй сидела за прилавком, неподвижная, как идол. Её лицо в глубоких тенях казалось вырезанным из тёмного, старого дерева.

— Ты нашёл бумаги, — сказала она без предисловий. Её голос был низким, без эмоций. — Ты расковыриваешь старую могилу, шериф. И мёртвые не любят, когда тревожат их покой. Они начинают... шевелиться.

— Я расследую, Мэй. 1882 год. Нашёл начало. Отца, который решил, что его сына «забрала» гора. И что с ней нужно не бороться, а... договариваться. Откупаться.

— Преступление? — Она горько усмехнулась, и скрип этот был похож на звук ломающейся ветки. — Или первый разумный поступок в этом месте? Выбор между одной потерей и сотней? Твой отец, Томас Брок... он выбрал иной путь. Он считал, что можно найти «сердце» этого... этого явления. Усмирить его. Убить. В восемьдесят седьмом году он убедил бригаду шахтёров спуститься в «Глаз Дьявола» не в свою смену. Для «замеров», говорил. Для «эксперимента». Они спустились. Пятеро. Вернулся только Ленни Фрост. Теперь Ленни замкнулся и живёт отшельником.

Лиам замер, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Он ничего этого не знал. Мать говорила только о «несчастном случае», о «профессиональном риске».

— Отец... он был с ними?

— Наверху. Дежурил. У него была рация. — Глаза Мэй в темноте казались совершенно чёрными, бездонными. — Он слышал последнюю передачу. Не крики, сказал он потом. Не панику. Шёпот. Детский шепот, такой тихий, будто из очень глубокого колодца. А потом... тишина. Абсолютная. Он сломался в тот момент, Лиам. Понял, что не борется с силой природы. Что он разбудил внимание. И это внимание... оно не прощает. Оно сводит с ума. Он покончил с собой не от горя. От страха. От понимания, что заглянул в лицо чему-то, на что нельзя смотреть.

— И вы все... вы просто решили продолжать? Кормить это внимание? Раз в десять лет подбрасывать ему... кого? Алкоголика? Старика?

— Не «кормить»! — В её голосе впервые прозвучала ярость, древняя, отчаянная, выкованная в печах столетнего страха. — Мы выбирали! Всегда был выбор! Тот, кто уже был на краю! Чья жизнь и так была тенью! Мы поддерживали хрупкий, ужасный, но работающий баланс! А ты... — Она посмотрела на него, и в её взгляде была не ненависть, а бесконечная, усталая жалость. — Ты привёл сюда невинную. Вернул её, как на блюдечке. Баланс нарушен. Оно не просто голодно. Оно раздражено. Оно чувствует сопротивление. И следующим... — Она наклонилась вперёд, и запах трав от неё стал гуще. — Следующим можешь стать ты. Или та беременная дура у больницы. Или её нерождённый младенец. Уезжай, Лиам Брок. Возьми свою правду, свою гордость и свою мёртвую отцовскую честь и уезжай. Пока не стало поздно для всех нас.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза, словно выдохнув заклинание. Разговор был окончен.

Кабинет мэра Харолда Грина был воплощением стабильности, которой уже не существовало. Полированное дерево, флаг штата в углу, портреты президентов на стенах. Но сегодня

эта стабильность была фасадом. Воздух был пропитан страхом, тщательно замаскированным под праведный гнев.

Мэр стоял за своим массивным столом, как капитан на тонущем корабле.

— Лиам, ты перешёл все мыслимые границы. Вандализм в муниципальном архиве. Распространение паники. Люди запираются в домах. Бизнес Кроули встал. Лесопилка не работает — никто не хочет идти в лес.

— Я делаю свою работу, Харолд. Я нашёл начало вашего «баланса». 1882 год. Иезекииль Валли. Он не стал искать своего сына. Он видимо решил, что мальчика «забрала» пропась в наказание за грехи. И что лучше откупиться, чем сопротивляться. Вы все... вы просто усовершенствовали его метод.

Мэр помолчал, его пальцы медленно постукивали по столешнице.

— Ты упрощаешь до примитива. Это не «откуп». Это уважение. Уважение к силе, которую мы не можем понять, измерить или победить. Это прагматизм высшего порядка. Мы не бросали в пасть невинных детей, как в сказках для туристов. Мы... направляли поток. Подставляли под него тех, кто уже стоял на краю. Алкоголика, который всё равно спился бы за год. Одинокого старика, который молил о смерти. Чтобы защитить семьи. Детей. Будущее. Ты думаешь, принимать такие решения легко? Спать после этого?

— Вы не имели на это права! Как такое возможно? — Лиам не мог поверить словам мэра

— А кто имел? — Голос мэра стал тише, но в нём зазвучала стальная опасность. — Твой отец? Он решил, что имеет право бороться. Что он может быть тем героем, который всё исправит. И что он получил? Четыре человека в могиле, которую даже не смогли выкопать, свихнувшийся Ленни. И себя... себя он нашёл на виселице в собственном сарае. Хотя...

Мэр сделал театральную паузу. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по лицу Лиама.

— Виселица, конечно, была. Верёвка, табурет. Всё как положено. Но у твоего отца, насколько я помню из отчётов... после того инцидента в шахте развился сильный тремор. Неврологическое, говорили врачи. Руки дрожали так, что он не мог держать кружку. Интересно, как человек с такими руками мог завязать морской узел, способный выдержать вес взрослого мужчины? И ещё одна деталь... калитка в тот сарай была заперта снаружи. На амбарный замок. Ключ нашли в доме. Странное самоубийство, не находишь? Очень... аккуратное.

Ледяная волна, начавшаяся в подвале архива, наконец накрыла Лиама с головой. Он никогда не видел отчёт о смерти отца. Мать не пустила его на похороны, он был далеко, на учёбе. Ему прислали телеграмму: «Отец покончил с собой. Не приезжай».

— Что... что ты хочешь сказать? — Его собственный голос прозвучал чужим, сдавленным.

— Я хочу сказать, что игра в героев в Грэнтоне имеет свою, очень высокую цену. — Мэр снова стал гладким, официальным. — И часто её платят не только «герои». Ты отстранён от должности, Лиам. Эффективно немедленно. Сдай значок и табельное оружие. Ты больше не шериф Грэнтона.

— На каком основании? Это произвол!

— На основании твоей очевидной неспособности выполнять обязанности без ущерба для общественного спокойствия и безопасности. Оставайся дома. Не приближайся к больнице. Не общайся с семьёй Клэй. В противном случае я выпишу ордер на твой арест за препятствование правосудию и подстрекательство к панике. Всё понятно?

Лиам стоял, чувствуя, как ярость и бессилие борются в нём. Он медленно, будто движения причиняли физическую боль, отцепил шерифский значок от груди и положил его на полированное дерево. Потом достал кобуру с Glock 17, извлёк магазин, отвёл затвор, убедился, что патронника пуст, и положил разобранное оружие рядом со значком. Металл глухо стукнул о дерево.

— Кто закрыл ту калитку, Харолд? — спросил он, глядя мэру прямо в глаза. — Кто запер моего отца в сарае с петлёй на шее?

Мэр Грин позволил себе небольшую, беззвучную усмешку. Её холод был страшнее крика.

— Призраки, наверное. Или ветер. В Грэнтоне, должен ты знать, много странного. И самые странные, самые трагические вещи имеют обыкновение случаться с теми, кто задаёт слишком громкие вопросы. Твой отец это понял, хоть и поздно. Надеюсь, ты сообразишь быстрее. Или, что будет лучше для всех... вообще не будешь соображать. Просто сядешь в машину и уедешь. Навсегда.

Он развернулся к окну, спиной к Лиаму, демонстрируя, что разговор окончен. Лиам вышел. Дверь кабинета закрылась за ним с тихим, но безжалостно-чётким щелчком замка.

Он стоял в пустом, вымершем коридоре. Отсюда не было слышно ни звука с улицы. Слова мэра висели в воздухе, отравляя его. Не самоубийство. Калитка заперта снаружи. Дрожь в руках. Возможно убийство. Аккуратное, ритуальное. Чтобы замкнуть круг, разорванный его отцом. Чтобы принести в жертву последнего бунтаря и восстановить «баланс». Баланс, купленный трусостью, предательством и молчаливым согласием целого города.

И теперь, понимал Лиам, он сам был следующим кандидатом на эту роль. Следующим звеном, которое нужно либо сломать, либо... убрать.

Итан ждал его на пустыре у старой лесопилки, в своей разбитой машине, двигатель которой тихо постукивал, борясь с холодом. Увидев лицо Лиамы — серое, с двумя яркими пятнами гнева на скулах — он всё понял без слов.

— Отстранили.

— Да. И намекнули, что отца, возможно, убили. Что его «самоубийство» было частью... уборки. Чтобы не мешал порядку вещей.

Итан выдохнул, и его дыхание превратилось в облачко пара в холодном салоне.

— Значит, это и правда заговор. Не абстрактный. Конкретный. Кровавый.

— Заговор, которому больше ста лет, — сказал Лиам, садясь на пассажирское сиденье. — Начатый одним фанатиком. И продолженный всеми, кто предпочёл безопасность — чести. Едем.

— Куда? — Итан уже включал передачу.

Лиам развернул перед собой фотографию старой карты, сделанную в архиве. Его палец ткнул в точку у изгиба Чёрного ручья, почти на самой линии той зловещей дуги, что он вычертил на стене своего кабинета.

— Сюда. Усадьба Валли. Если где-то и осталась невырезанная правда, не сожжённая, не спрятанная в мэрии... то только там. В земле, которую он считал проклятой. В камнях его дома.

Они ехали. Дорога, сначала асфальтированная, потом гравийная, наконец превратилась в две колеи среди высокой, побуревшей от осени травы. Лес сжимался вокруг них, становился гуще, темнее. Воздух в салоне постепенно холодал, хотя печка работала на полную. Итан выругался, постучал по приборной панели.

— Ничего не помогает. Как будто холод идёт не снаружи. А из...

Он не договорил. Оба знали, из чего.

Наконец, они не смогли ехать дальше, дорогу перегородил поваленный ствол огромной пихты, чёрный и скользкий от гниения. Они оставили машину и пошли пешком. Сумерки в лесу наступали стремительно, крадя последние краски дня. Воздух пах теперь не просто хвоей, а тем самым «дыханием старого леса», смесью влажного камня, прелых листьев и чего-то древнего, немного, наблюдающего.

И они увидели его.

Призрак дома. Низкий, массивный каменный фундамент, сложенный из тёмного, почти чёрного местного сланца, поросший таким густым мхом, что казалось, земля пытается поглотить эти камни обратно. От деревянного сруба не осталось почти ничего, несколько прогнив-

ших, почерневших брёвен, торчащих, как рёбра скелета. Рядом сарай, чья крыша давно провалилась, оставив лишь остовы стропил, упирающиеся в свинцовое небо.

Тишина здесь была абсолютной. Не было ни ветра, ни птиц, ни насекомых. Была только тяжёлая, давящая на барабанные перепонки пустота. Лиам почувствовал знакомое ощущение, его слух словно притупился, как будто он нырнул под воду.

Он стоял и смотрел на эти руины. Здесь жил человек, который услышал детский зов из расселины и решил, что лучший ответ, не спасать, а жертвовать. Который предпочёл «заткнуть пасть» вечному плачу собственного сына. Здесь начиналась вся болезнь Грэнтона. Трусость, возведённая в добродетель. Предательство, ставшее традицией.

Он сделал шаг вперёд, хрустнув веткой под ногой. Звук был неприлично громким в этой тишине.

И тогда случилось это.

Из чащи старого, кривого кедра, росшего прямо на краю фундамента, с шумом рванулась вверх стая ворон. Не десяток, не два. Десятки, сотня. Сплошное чёрное облако, поднявшееся без единого карканья, в полном, зловещем молчании. Они пронеслись низко над руинами, крылья свистели в холодном воздухе, и на мгновение стало темно, как ночью. Потом они, не разбиваясь на стаи, единым потоком устремились на восток, к уже тёмному силуэту Пропасты, и растворились в сумерках.

Молчаливое предупреждение. Или приветствие.

Лиам перевёл дыхание, которое застряло у него в горле. Он посмотрел на Итона. Тот был бледен, но в его глазах горел тот же огонь, что и у Лиамы, смесь страха, отвращения и неотвратимой решимости. Они не повернули назад.

Лиам включил мощный тактический фонарь. Луч, холодный и белый, выхватил из наступающей тьмы грубые камни фундамента, тёмные проёмы, где когда-то были двери. Итан последовал его примеру.

— Что будем искать? — прошептал Итан, и его шёпот был поглощён всепоглощающей тишиной места.

— Правду, которую не успели вырезать, — так же тихо ответил Лиам и шагнул через низкую каменную грань в то, что когда-то было домом Иезекииля Валли.

На девятый день.

Глава 13. Тень в руинах

Тишина в руинах дома Валли была полным отсутствием звука, его поглощением. Свет фонарей Лиамы и Итана выхватывал из темноты грубые камни фундамента, обугленные концы брёвен, словно дом не просто сгнил, а сгорел изнутри. Холод здесь был особым, словно исходил от самой земли, поднимаясь по ногам и сковывая движения.

— Смотри, — прошептал Итан, луч его фонаря упал на внутреннюю часть фундамента. На одном из тёмных камней, чуть выше уровня земли, был вырезан символ. Три вложенных друг в друга треугольника, образуя подобие звезды или снежинки. Резьба была грубой, нервной, будто высечена в отчаянии или ярости.

— Оберет? Или... печать? — предположил Итан.

— Печать возможно, — тихо ответил Лиам, проводя пальцем по холодным бороздкам. — Чтобы что-то удержать внутри. Или не выпустить наружу.

Они двинулись дальше, к покосившемуся сараю. Дверь, вернее, то, что от неё осталось, висела на одной петле. Внутри царил кромешный мрак и стоял запах прелой соломы, плесени и... костра. Недавнего.

Итан первым заметил слабый отблеск в углу. Фольга от шоколадки. Пустая консервная банка. Свёрнутое в калачик грязное одеяло на подстилке из еловых веток.

— Кто-то тут живёт, — прошептал Лиам, и его рука потянулась к кобуре, которая была пуста. Он вспомнил: он больше не шериф. У него нет оружия.

Из глубокой тени за штабелем разошедшихся досок послышался звук — не шаг, а скрип, будто кто-то тяжёлый медленно перенёс вес. И затем из темноты возникла фигура.

Он был высоким, сутулым, закутанным в несколько слоёв промасленной, грязной одежды. Лицо, скрытое в тени капюшона и густой, спутанной седой бороды, было неразличимо. Но глаза... они слабо отражали свет фонарей, как у животного. В них не было агрессии. Была усталость, глубокая, вековая, и что-то ещё, знание, которое согнуло этого человека пополам.

— Ленни, — хрипло произнёс Итан, не вопросом, а утверждением. — Ленни Фрост.

Фигура медленно кивнула. Голос, когда он заговорил, был похож на трение камня о камень, давно не использованный по назначению.

— Кольер. И... Брок. Сын Томаса. Я знал, что придёте. Рано или поздно. Все приходят сюда. К началу.

Он не был безумцем. В его словах была ужасающая, кристальная ясность. Он жил здесь, на краю проклятого места, потому что там, в городе было слишком много шума, слишком много людей, которые играли в нормальность, не зная цены. А он знал.

Он пригласил их жестом сесть на валежник у холодного, давно остывшего очага. Рассказывал медленно, подбирая слова, будто каждая фраза причиняла боль.

— Твой отец, Лиам... он не был плохим. Он был одержимым. Он нашёл старые бумаги Валли. Не в архиве. Здесь. Замурованные в печке. Дневники Иезекииля. Где тот писал о голосе. Не о Божьем. Детском. Который звал из расселины. Иезекииль считал, что это демон, принявший облик его сына. Что нужно строить стены. Духовные. Молиться. А твой отец... он решил, что это ключ. Что если голос существует, значит, существует и источник. И его можно... выключить.

Ленни замолчал, его взгляд ушёл в темноту, в прошлое.

— В шахте... мы не нашли демона. Мы нашли... пустоту. Не физическую. Чувственную. Как будто место, где должно быть что-то твёрдое — камень, земля — было заполнено... ожиданием. И оно было голодным. Не для плоти. Для впечатлений. Для воспоминаний.

— Что вы сделали? — тихо спросил Лиам.

— Мы его заинтересовали. Сам факт, что мы пришли, искали... это было как стук в дверь. И дверь приоткрылась. — Ленни содрогнулся. — Оно не напало. Оно... спросило. Без слов. Прямо в голове. «Что вы такое? Покажите». И мы... мы не смогли не показать. Наши мысли о работе, о свете ламп, о звуке отбойного молотка, о страхе темноты... всё это просто... утекло. Как вода в песок. Билл, Майк, другие... они отдали всё. Стали пустыми скорлупками на месте. Я... я удержал одну мысль. О Лиэн, моей дочке. Ей было три месяца. Её запах. Её смех. Это было сильнее страха, сильнее любопытства той... штуки. Оно отступило. Оставило меня... повреждённым, но здесь.

— А мой отец? Он же был наверху.

— Он слышал всё по рации. Нашу болтовню, потом тишину, потом... мой крик. Когда я выбрался один. Он понял, что открыл не ящик Пандоры. Он разбудил спящего. И спящий теперь знал его голос. Его любопытство. И твой отец... он не мог с этим жить. Он боялся, что каждую ночь этот детский шёпот будет спрашивать его снова. И снова.

Лиам сидел, ошеломлённый. Это была не борьба со злом. Это была катастрофа непонимания. Травмированный ребёнок, который, потянувшись к свету, обжёт тех, кто к нему прикоснулся.

— И город... они решили просто... кормить его? Раз в десять лет?

Ленни кивнул, и в его глазах мелькнула бесконечная горечь.

— Они увидели в этом систему. Предсказуемость. Если подкидывать ему... отвлечение. Что-то яркое, шумное (страх, боль, отчаяние), то он на время успокаивается. Засыпает. Как ребёнка с новой игрушкой. А когда игрушка ломается... ищут новую. Твой отец хотел разбить игрушку. Его... убрали. Чтобы не пугал других детей.

Слова мэра обрели жуткую конкретность. Калитка была заперта снаружи.

В этот момент Итан вздрогнул. Его телефон, который все это время молчал, вдруг завибрировал. На экране — номер «Кедровой Роши». Он ответил с предчувствием беды.

Голос медсестры был сдавленным, испуганным.

— Мистер Кольер, это насчёт Элис... Она... она сегодня необычайно активна. Всё время пишет одно и то же. Мы не понимаем...

— Что она пишет? — перехватил инициативу Лиам, поднеся свой телефон к уху Итана.

— Слова... «Не ручей ловушка помнящий шахта последний раз слышал». Она повторяет это снова и снова. И смотрит на восток. Как будто... ждёт.

Лиам почувствовал, как ледяная стрела пронзила его. Не ручей ловушка. Чёрный ручей? То самое место обмена? Помнящий — это он. Шахта — шахта «Глаз дьявола».

— Она говорит не о месте жертвы, — тихо проговорил Лиам, отключая звонок. — Она говорит о месте последней связи. О том, где Джейкоб в последний раз был частью этого мира. До того, как его отец... отказался его слышать.

Ленни Фрост медленно поднял голову.

— Шахта. Там... эхо другое. Не жадное. Печальное. Как отзвук давнего крика, застрявшего в брызгах воды. Может, она права. Там не его сила. Там его... рана.

Решение созрело в Лиаме мгновенно, с холодной, безошибочной ясностью. Идти на Чёрный ручей — значит играть по правилам города и, возможно, самого Джейкоба, усвоившего эти правила. Это ловушка для «помнящего», для того, кто, как и его отец, слишком много знает.

— Нам нужно идти туда, — сказал он. — В шахту. Не с жертвой. Не с оружием. С... свидетельством. — Его взгляд упал на сумку, куда он перед уходом машинально сунул копии документов по делу Валли.

Ленни медленно поднялся.

— Я провожу вас до тропы. Дальше... дальше я не могу. Я уже отдал ему слишком много. Но возьмите это. — Он протянул Лиаму небольшой, почерневший от времени и сажи камен-

ный осколок. На нём был тот же треугольный символ, что и на фундаменте. — От печки Иезекииля. Может, поможет и вам. Здесь начинаешь верить в обереги и талисманы.

Глава 14. Дорога к шахте

Они шли по лесу в кромешной тьме. Ленни вёл их по невидимым тропам, его фигура мелькала впереди, как призрак. Лес вокруг них ожил, но неправильно. Деревья скрипели, будто под невидимой тяжестью. Ветер, которого раньше не было, шелестел листьями, выдёргивая из темноты обрывки звуков: то далёкий детский смех, то приглушённый плач, то слово, похожее на «папа», растянутое в бесконечный, тоскливый зов.

Итан шёл, сжав в руке фонарь как дубину, его дыхание было частым, прерывистым. Лиам нёс перед собой каменный знак, и странное дело, там, где он проходил, шепот стихал, скрип деревьев затихал, будто символ на время заставлял тени отступить, признавая в нём того, кто нёс печать самого начала.

Наконец Ленни остановился. Перед ними был спуск в шахту.

— Я... я не пойду. Наверное он не злой. Он потерянный. И очень, очень одинокий. И его одиночество... оно съедает всё вокруг.

Он повернулся и растворился в темноте, не попрощавшись.

Но едва они собрались спускаться, как зазвонил уже телефон Лиамы. Незнакомый номер. Он ответил.

— Лиам? Лиам, это Эллисон Рэйес. — Голос врача был сдавленным, на грани истерики, переходя в рыдания. — В родильном отделении. С Сарой Клэй... у неё начались схватки. На месяц раньше срока. Всё идёт неправильно, она теряет сознание, кричит... И ещё... в палате Лоры...

Она замолчала, её дыхание хрипело в трубке.

— Что с Лорой? — резко спросил Лиам.

— Все стёкла... окна, картинки, даже экран монитора... они покрываются инеем. Спиралями. Такими же, как были на её рисунках. И температура падает. А Лора... Лиам. — Она повернулась. Впервые за девять дней посмотрела прямо на мать. И сказала... сказала чётко, голосом не своим. — Он боится.

И Сара закричала...

Голос Эллисон сорвался, стал пронзительным, полным животного страха:

— Лиам, сюда идут люди. Горожане. Они собрались у главного входа, их уже двадцать, тридцать человек, может больше. Они кричат... требуют отдать Лору. «Отдайте девочку пропасти, чтобы оно успокоилось! Спасите наших детей!» Охрана не знает, что делать, их просто оттеснили... Они ворвутся! Они заберут её! Лиам, они её убьют! Пожалуйста, приезжай! Помоги! Спаси Лору и её маму от этого города! Они обе умрут!

Каждый удар её голоса входил в Лиам, как гвоздь. Он представил себе толпу, остервеневшую от страха, как они ломаются по больничным коридорам. Сара, истекающая кровью и горем. Малышка Лора.

— Держите дверь, — сказал он, голос стал низким, командным, вернувшимся на мгновение в шерифскую тональность. — Забаррикадируйтесь в палате. Никого не впускайте. Я... я высылаю подмогу.

Он отключился, не слушая благодарностей. Повернулся к Итану. Лицо его было каменным.

— Итан. Бери машину. Мчишься в больницу. Будь их голосом, их защитой. Ты умеешь говорить. Говори с толпой. Говори о дочери. О ребёнке, который ещё не родился. Они боятся, но они не монстры. Напомни им об этом. Но не дай им пройти.

Итан, всё ещё бледный, кивнул. Он уже доставал ключи.

— А ты?

— Я иду в шахту. Один. У меня есть правда, — сказал он. — Может, она и есть якорь. Мой отец пытался бороться. Город пытается откупиться. Ни то, ни другое не работает. Потому что все они говорят с монстром. А я должен узнать, что на самом деле скрывается в этой проклятой горе. Даже если это последнее, что я сделаю.

Ветер завыл с новой силой, сорвав с ветки ключья старого мха и разбросав их по руинам. Воздух затрепетал, слабый, но отчётливый сейсмический толчок, будто где-то глубоко под землёй пошатнулась гигантская колонна

Итан уже бежал к машине, его силуэт растворялся в надвигающихся сумерках. Лиам посмотрел на часы. До полуночи чуть больше трёх часов.

До «десятого дня».

Глава 15. Спуск

Вход в шахту был черной дырой в склоне горы. Деревянные крепи сгнили и обрушились внутрь, создавая впечатление, будто гора скорчила гримасу, обнажив кариозный, прогнивший зуб. Лиам остановился перед этим зевом, чувствуя, как холодное, влажное дыхание из глубины овеивает его лицо. Запах стоял специфический: плесень, сырой камень, ржавчина и что-то еще, сладковато-приторное, как запах старой, давно забытой в подвале земли.

Он привязал канат к корявому, но прочному корню сосны у входа, проверил узел дважды, свесил конец в черный провал. Проверил фонари. Налобный моргнул и загорелся ровным белым светом. Ручной ответил ему ярким лучом.

— Ты выгащил занозу, — эхом прозвучали в голове слова Ленни. Что ж, теперь посмотрим, что будет со старой раной.

Он начал спуск.

Первые несколько метров были наклонным ходом, выдолбленным в породе, усыпанным щебнем и глиной. Под ногами скользило, приходилось цепляться руками за выступы. Воздух быстро терял свежесть, становясь спертым, насыщенным вековой пылью. Фонарь выхватывал из мрака следы прошлого: обрывки троса, сломанную деревянную вагонетку, застрявшую в развилке, пятна на стенах, напоминавших высохшую кровь.

Затем путь стал вертикальным. Старые, ржавые металлические скобы, вбитые в стену шахты, вели вниз, в непроглядную черноту. Лиам зацепил карабин за скобу, свесился в колодец. Луч фонаря терялся, не достигая дна. Он сделал глубокий вдох, ощутив, как густой, холодный воздух обжигает легкие, и начал осторожно спускаться.

С каждой парой метров холод усиливался. Он пробирался сквозь куртку, свитер, забирался под кожу. Казалось, что стужа исходит из самой горы. Влажность на его ресницах, превращалась в иней.

И тишина. Та самая, густая, давящая тишина, которую он ощутил у руин, только здесь она была абсолютной. Его собственное дыхание, скрип карабина, шорох одежды о стену, все это звучало оглушительно громко в этой могильной тишине. И под этим шумом нарастало что-то еще. Ощущение. Ощущение пристального, немомго внимания. Будто стены шахты не просто из камня, а из спрессованного любопытства, которое теперь, после столетий сна, медленно просыпается и поворачивается к источнику вибрации, к нему.

Он спустился еще ниже. Луч фонаря выхватил из темноты стену, и он замер. Камень здесь был покрыт не налетом. На нем были узоры. Спирали, круги, запутанные, как детские каракули, линии. Они не были вырезаны человеком, они словно проступили изнутри породы, как прожилки в мраморе, только темные, почти черные на сером фоне. Они пульсировали в свете фонаря, ненадолго сохраняя свечение, когда луч уходил дальше. Фосфоресценция? Или что-то другое?

Лиам оторвал взгляд от узоров, заставил себя двигаться дальше. Канат под ним все еще болтался в пустоте.

И тогда он услышал.

Сначала это было похоже на шум в ушах от перепада давления, высокий, тонкий писк. Потом писк обрел форму. Плач. Детский, всхлипывающий плач. Он доносился не из одной точки, а отовсюду сразу, отражаясь от стен, накладываясь сам на себя, создавая жуткую полифонию страдания.

— Эхо, — прошептал Лиам себе под нос, и его шепот тут же был поглощен, будто его съели. — Это не настоящее. Это просто эхо.

Но знание не помогало. Каждый всхлип впивался в него острыми коготками, цеплялся за что-то глубоко внутри, за ту часть, которая все еще помнила о собственном одиночестве, о потере. Он чувствовал, как по его спине бегут мурашки, от иррационального, всепоглощающего желанья... найти этого плачущего ребенка. Успокоить его. Это было глупо, смертельно опасно, но инстинкт оказался сильнее рассудка.

Он зажмурился на секунду, ухватился за якорь реальности: холодный металл скобы под пальцами, запах сырости, вес рюкзака на спине.

Лора. Сара. Итан в городе, где бушует толпа. Десятый день.

Лиам открыл глаза. Плач стал тише, но не исчез. Он превратился в фоновый гул. Лиам продолжил путь, двигаясь теперь быстрее, почти механически, стараясь не вслушиваться. Наконец, его ботинок коснулся твердой, неровной поверхности. Дно.

Он осветил пространство вокруг. Небольшая камера, грубо выдолбленная в скале. От нее в трех направлениях уходили низкие, аркообразные ходы. Воздух здесь был неподвижен и так густ, что его можно было почти резать ножом. На полу валялся хлам: сломанная кирка с погнутым древком, пустая, проржавевшая фляга, обрывки тряпья, а дальше, в углу, ботинок. Один, старый, кожаный, с оторванной подошвой. Он лежал так, будто его скинули с ноги.

Лиам перевел луч на стены. Здесь узоры-спирали были гуще, они сходились в одной точке, у входа в центральный ход. Тот самый, откуда тянуло самым пронзительным холодом. На стене возле этого входа кто-то углем или сажей нарисовал детский рисунок. Кривой домик с трубой. Три палочки-человечка рядом. И солнце в углу листа. Но солнце было перечеркнуто двумя жирными, яростными крестами.

Сердце Лиама екнуло. Он подошел ближе, забыв на мгновение об осторожности. Его луч скользнул внутрь центрального хода.

Там была тьма. Плотная, вязкая, почти осязаемая. Луч фонаря, обычно яркий и резкий, здесь терял силу, рассеиваясь, как будто тьма его пожирала. Он видел лишь первые два-три метра туннеля, выдолбленного в камне. И на этих метрах, на стенах и потолке, свисали странные, студенистые наплывы. Что-то, напоминавшее сгустки черной смолы или застывшей грязи, но они дышали. Слегка, почти незаметно пульсировали.

Именно оттуда доносился плач. Теперь он звучал не как эхо, а как будто источник был прямо там, за поворотом, но его он не мог разглядеть. И с плачем смешивался другой звук. Очень тихий, едва уловимый. Похожий на... бормотание. На детское бормотание, когда ребенок разговаривает сам с собой, играя в вымышленном мире.

— Джейкоб? — Имя сорвалось с губ Лиама само по себе, шепотом.

Бормотание прекратилось.

Тишина нахлынула мгновенно, став еще более гнетущей, чем раньше. Даже плач стих. Лиам замер, затаив дыхание, чувствуя, как каждый волосок на его теле встает дыбом. В непроглядной тьме прохода что-то прислушивалось.

Он отступил на шаг. Его пятка наткнулась на тот самый старый ботинок. Раздался тихий скрежет кожи о камень.

И в глубине туннеля, в той самой непроглядной черноте, что пожирала свет, что-то шевельнулось. Не пошевелилось, именно шевельнулось, как однородная масса. И донеслось тихое, неопределенное шуршание, будто множество маленьких ножек заскребли по камню. Или будто что-то большое и бесформенное поползло, волоча свое тело по полу шахты.

Холод ударил новой волной, заставив зубы Лиама выбить дробь. Воздух стал не просто холодным, а чужим. Он больше не был инертным. Он был насыщен ожиданием. Голодным, детски-нетерпеливым ожиданием.

Лиам посмотрел на два других прохода. Они казались менее враждебными, но куда они вели? В тупики? К обвалам? Центральный был главным. Он это чувствовал костями. Там, в его глубине, была разгадка.

Шуршание в темноте усилилось. Стало ближе. Теперь к нему добавился легкий, сухой стук, как будто камешки падали с потолка.

Лиам выдохнул струйку пара, которая тут же зависла в ледяном воздухе. Он сделал шаг вперед, к краю входа в центральный ход. Его луч снова ткнулся в пустоту, но теперь, ему показалось, он выхватил на миг что-то в глубине. Отражение. Блеск, похожий на отблеск в мокрых глазах огромного, невидимого существа.

Он разжал пальцы на рукояти фонаря и медленно, стараясь не спровоцировать резкого движения, снял с плеча рюкзак. Он готовился к встрече с неизвестностью.

...

Городская больница Грэнтона

Толпа собралась быстро, как вода после ливня, стекаясь к светящемуся прямоугольнику главного входа в больницу. Их было уже человек тридцать, и к ним постоянно присоединялись новые, привлеченные слухами, страхом и стадным инстинктом. Билл Ковач, краснолицый, с глазами, налитыми кровью от бессонницы и гнева, стоял впереди, упираясь кулаками в стеклянную дверь.

— Отдайте девочку! — Его голос был хриплым от крика. — Вы слышали, что Рэйес по рации говорила! У Клэй схватки! Если она родит, гора возьмет двоих! Оно не будет ждать! Оно заберет весь город! Отдайте ту, что уже и так наполовину там! Спасите хоть кого-то!

Его слова подхватывались, обрастали деталями. Страх, десятилетиями культивируемый, теперь вырвался наружу в своем самом уродливом, первобытном виде. Не все кричали. Многие просто стояли, обнявшись, плача от бессилия. Но те, кто кричал, задавали тон. Двое охранников больницы, выглянувшие на шум, смущенно отступили назад, понимая, что против этой ярости они бессильны.

Именно в этот момент к дверям подбежал Итан, запыхавшийся, с каплями дождя на очках.

— Послушайте! — закричал он, протискиваясь между охранниками. Его голос, обычно глуховатый от выпивки, звучал хрипло, но громко. — Остановитесь! Вы что творите?

— А, Кольер! — обернулся к нему Ковач. — Тоже приполз? Твоя сумасшедшая жена нашептала тебе новых сказок

— Да, приполз! — отрезал Итан, не отступая. — Вот только она не сумасшедшая! Она слышала его! Она говорила с Джейкобом Валли!

Имя, произнесенное вслух, заставило толпу на мгновение стихнуть. Даже Ковач нахмурился, будто имя само по себе было проклятием.

— Он не демон! — продолжал Итан, пользуясь паузой. — Он мальчик! Мальчик, который боится, что его снова оставят одного! Как его оставил страх его отца! Как мы все его оставили за нашим страхом!

— Какая разница, кто он?! — крикнула старуха Мэй, сжимая в руках распятие. — Он берет наших детей! Он возьмет еще, если не получит то, что хочет! Десять лет! Десять лет покоя! И все из-за этих жертв! Это система! Она работает!

— Система? — Итан рассмеялся, и в его смехе было что-то истеричное и горькое. — Вы называете бросание наших дочерей и сыновей в пасть этого кошмара системой? Это не система! Это трусость! Мы не бьем врага, мы просто подкармливаем его, чтобы он ел не нас! А когда еда заканчивается — ищем, кого еще скормить! Лора Клэй выжила! Может быть, она ключ! Может, через нее мы сможем... Остановить это навсегда!

— Болтовня пропойцы! — заорал кто-то сзади. — Он уже здесь! Чувствуешь? Воздух стал другим! Он ждет! И если мы не отдадим ему то, что привык получать, он возьмет все, что захочет сам!

Толпа снова заволновалась, гул нарастал. Итан видел, как сомнения в их глазах гаснут, затмеваемые знакомым, удобным страхом. Легче поверить в необходимость жертвы, чем в возможность диалога с ужасом.

И тогда с верхних этажей, сквозь стекло и дождь, донесся долгий, пронзительный женский крик. Крик не просто боли, а предельного страдания и ужаса. Крик Сары Клэй.

Все задрали головы. На четвертом этаже, в окне палаты Лоры, ярко горел свет. И на этом окне, прямо на глазах у изумленной толпы, стал проступать иней. Не равномерный слой, а сложные, закрученные спирали, складывающиеся теперь в узор: три круга. Два больших, один маленький, разбитый в центре.

Тишина, воцарившаяся на улице, была оглушительной. Даже Ковач онемел, уставившись на светящийся в ночи знак.

— Видите? — прошептал Итан, но в тишине его шепот был слышен всем. — Он уже здесь. В больнице. Он смотрит на них. Убийство Лоры его не остановит. Оно его раззадорит. Потому что это будет означать, что мы все еще не поняли. Все еще боимся. Все еще готовы приносить жертвы. И тогда он не уйдет. Он останется. Навсегда.

Он сделал шаг вперед, к толпе, которая теперь больше походила на стадо испуганных животных.

— Разойдитесь по домам, — сказал он уже громче. — Заприте двери. Обнимите своих детей. И подумайте. Подумайте о том мальчике в темноте. Не о Горе. О мальчике. И позвольте нам, тем, кто еще не сломался до конца, попытаться сделать то, что должен был сделать его отец. Вытащить его.

Охранники, ободренные изменением в настроении толпы, выдвинулись вперед. Люди начали расходиться, не глядя друг на друга, погруженные в собственные тяжелые мысли. Ковач что-то пробормотал, махнул рукой и пошел прочь, в дождь.

Итан прислонился к косяку двери, вдруг ощутив страшную усталость. Он вытер лицо. Сверху все еще доносились приглушенные стоны и суета. Роды шли тяжело. И он знал, что его слова лишь временная заплатка на рвущейся плотине. Узоры на окне не исчезли. Они сияли в ночи, как ледяное, немигающее око.

Он повернулся и бросился внутрь, в яркий свет коридоров. Ему нужно было наверх. К Лоре. К Саре. К этому начинающемуся крошечному аду.

Десятый день.

Глава 16. Игра Джейкоба

— Поиграем? — прозвучал голос прямо у Лиам за спиной.

Лиам резко обернулся. В тумане, в трёх шагах от него, стоял белокурый мальчик. Лет девяти. Бледный, почти прозрачный. Он был одет в старомодные короткие штаны и рубашку с подворотом, которые казались вырезанными из самого мрака. Его глаза были слишком тёмными, слишком глубокими, как два колодца, уходящих в никуда.

— Джейкоб, — прошептал Лиам, не веря своим глазам и ещё не понимая, как действовать. Мальчик, который погиб много десятков лет назад, стоял перед ним и на его лице была хитрая улыбка. Был ли это призрак или галлюцинация от перепада давления при спуске в шахту?

— Ты знаешь моё имя! — обрадовался мальчик. Его улыбка была широкой, но не доброй. — Значит, ты готов играть! Давай начнём.

Лиам не успел ответить. Плотный непонятно откуда взявшийся туман сомкнулся вокруг него, и мир поплыл, расплылся, как акварель под дождём.

Он снова был в кухне своего детства. Пахло овсянкой и старой краской. Солнечный луч пылился на линолеуме. Мама живая и счастливая. Лиам, десятилетний, босоногий, подошёл и обнял её.

Снова туман. Лиам студент, от мамы пришло письмо. Он уже знал. Сердце его, взрослое, застрявшее в теле юноши, сжалось в ледяной ком. Не надо, не открывай, хотел крикнуть он самому себе, но его пальцы уже рвали бумагу. Мир накренился, звук ушёл. Он видел, как его юное лицо искажается в беззвучном крике, и это было в тысячу раз страшнее любого звука. Самоубийство! Как? Как он мог бросить нас?

— Стоп! — закричал он изнутри.

Но игра только начиналась.

Дым. Вонь гари, пороха и крови. Гул вертолётов где-то далеко, слишком далеко. А здесь, в узком переулке, жарко как в аду. Его напарник, Дэнни, прижался к глиняной стене, его лицо в поту и пыли.

— Лиам, прикрой! — кричит он.

Лиам меняет магазин, движения его, как в тягучем кошмаре, неестественно медленные. Щелчок затвора. Он поднимает взгляд. Дэнни выскакивает из-за укрытия. И в этот миг что-то свистит в воздухе. Противный, влажный хлюпающий звук. Дэнни не падает, он обмякает, как тряпичная кукла. Его глаза, широко открытые, смотрят на Лиам не с укором, а с глубочайшим удивлением.

— Почему ты не успел? — спрашивают эти глаза. — Всего полсекунды. Всего полсекунды, Лиам.

Агония вины, острая, как раскалённый нож, пронзила его. Он завыл, зажав голову руками, пытаясь вырваться из этого кадра памяти, вмёрзшего в его мозг навечно.

— Нравится? — прозвучал рядом весёлый голосок. Джейкоб сидел на обломке стены, которого здесь быть не могло, болтая ногами. Его тёмные глаза сияли холодным, голодным любопытством. — Это самые интересные места. Где всё меняется. Где внутри что-то ломается.

Лиам стоял на коленях, голова кружилась, подступала тошнота. Мир вокруг, дрожал и колебался. Он чувствовал, как трещины поползли по его сознанию. Ещё один такой прыжок в прошлое и он уже не соберётся обратно. Не сможет. Страх сменился яростью. Горячей, животной, единственной, что могла противостоять этому ледящему ужасу.

Он поднял голову. Вытер рот тыльной стороной ладони.

— Стоп, — хрипло сказал он.

...

Тем временем в городской больница Грэнтона Итан вылетел из лифта на четвертом этаже, едва не столкнувшись с медсестрой, которая выбегала из палаты Сары Клэй с окровавленными перчатками.

— Где доктор Рэйес? — выдохнул он.

— Внутри! — Медсестра говорила отрывисто, профессионально, но в ее голосе дрожала паника. — Ребенок идет неправильно. Пульс Сары падает. И температура... вы не представляете, что там с температурой...

Она побежала дальше, к аптечному посту. Итан шагнул к двери, замер на мгновение, потом толкнул ее.

Палата была залита ярким, почти хирургическим светом ламп. Эллисон Рэйес склонилась над Сарой, ее лицо было сосредоточенным, но руки двигались с той отчаянной скоростью, которая бывает только когда все идет не по плану.

— Сара, не отключайся, слышишь? Сара! — Голос Эллисон срывался.

Сара металась на кровати, бледная, как простыня. Ее волосы прилипли к вискам, глаза были широко открыты, но смотрели не на врача, не на стены, не на свет, куда-то внутрь себя, в ту темноту, которую видели только те, кто уже касался Пропастей.

— Не забирай... — шептала она, и ее голос был тихим, но каким-то неестественно отчетливым, перекрывающим мониторы и команды Эллисон. — Не забирай моих детей... Мы не хотим с тобой играть... Пожалуйста... Только не их...

— Сара, ты должна тужиться! — Эллисон почти кричала. — Ребенок застрял, если ты не поможешь, он задохнется! Сара!

Но Сара, казалось, не слышала ее. Ее губы продолжали шевелиться, повторяя слова, похожие на молитву, на заклинание, на последнюю отчаянную попытку договориться с тем, кто не принимает отказы.

— Он сказал... Лора сказала... Он хочет играть... Он не хочет быть один... Но я не отдам... Не отдам...

Ее тело выгнулось дугой. Эллисон выругалась, страшно, по-мужски, и закричала на медсестер:

— Давление! Что с давлением?!

Итан стоял у двери, чувствуя себя бесполезным и лишним. Он не должен был здесь находиться. Это была женская, врачебная, интимная территория борьбы за жизнь. Но он не мог уйти. Что-то приковывало его к месту, и это что-то было связано с тем узором на окне, с детским голосом из пропасти, с именем, которое он произнес перед толпой. Джейкоб.

Он посмотрел на окно. За ним, в плотной тьме ночи, начинало твориться что-то странное. Над горой Пропась...

Гроза пришла не с той стороны, откуда обычно приходят грозы. Она не катилась с запада, не напозала с равнин. Она зародилась непосредственно над Чёрным лесом, над склоном, где зияла старая шахта «Глаз Дьявола», и оттуда, как опухоль, начала расползаться по небу.

Тучи были неестественного, гнилостно-зеленоватого оттенка. Они закручивались в спирали, те же самые узоры, которые вырезал на стекле иней, которые рисовала Лора. Они двигались слишком быстро, слишком осознанно, смыкаясь над Грэнтоном, как смыкаются пальцы над горлом.

Ветер поднялся внезапно, он издавал низкий, вибрирующий гул, похожий на стон тысячи обеспокоенных голосов. Ветви старых вязов на главной улице скребли по стенам домов. С дорожных знаков срывало краску. Водонапорная башня на окраине загудела, как гигантский камертон.

Первые капли дождя упали на стекла больницы. Они не были прозрачными. Они были мутными, серыми, как пепел.

В родильной палате лампы мигнули. Эллисон даже не подняла головы.

— Держите свет! — приказала она. — Не дайте ему погаснуть!

Медсестра бросилась к выключателям, но свет держался сам, хотя и пульсировал в такт ударам грома, которые теперь доносились даже сквозь стены.

— Сара! — Эллисон встряхнула женщину за плечи. — Сара, вернись! Твой ребенок умирает! Ты слышишь меня? ТВОЙ РЕБЕНОК УМИРАЕТ!

Сара открыла глаза. В них, на мгновение, проступила осознанность. Чистая, ясная, человеческая боль.

— Мой... мальчик... — прошептала она.

— Тужься! — закричала Эллисон. — ТУЖЬСЯ!

И Сара закричала вместе с ней, долгим, мучительным криком, который, казалось, вырвал ее душу наизнанку.

За окном полыхнуло. Молния ударила где-то совсем рядом, может быть, в старую водонапорную башню, может быть, в верхушку вяза. Свет погас на секунду, потом вспыхнул снова, но уже не ярко-белый, а тусклый, аварийный.

В темноте, до того, как включились резервные генераторы, Итан услышал голос. Не из динамика. Не из коридора. Из самой стены.

Неразборчивый детский шепот, шелестящий, как опавшие листья.

Свет вернулся. Эллисон смотрела на свои руки. В них, замотанное в окровавленную простыню, лежало крошечное тельце.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Ребенок не дышал. Его кожа была синюшно-бледной, пуповина обвивала шею тугим, смертельным кольцом. Мальчик. Она знала это еще до того, как проверила. Маленький мальчик с темными, мокрыми волосиками, прилипшими к головке.

— Сделайте что-нибудь! — закричала медсестра. — Доктор Рэйес, сделайте что-нибудь!

Эллисон уже делала. Она очистила дыхательные пути, начала массаж сердца, искусственное дыхание. Ее пальцы нажимали на крошечную грудку в ритме, который она заучила много лет назад, но никогда не думала, что придется применять к новорожденному. Раз, два, три. Вдох. Раз, два, три. Вдох.

— Давай, — шептала она. — Давай, малыш. Дыши. Пожалуйста, дыши.

Минута. Две. Пять.

...

В шахте «Глаз Дявола».

Джейкоб надул губки.

— Ещё рано. У тебя есть другие воспоминания. Потеря, вина... их так много. Давай посмотрим ещё.

— Нет. Правила игры — другие, Джейкоб. Твоя игра нечестная.

Мальчик нахмурился. Слово «нечестная» явно задело его. Призраки, подумал Лиам с какой-то отчаянной догадкой, они ведь застряли в своём времени. В понятиях о справедливости и честности.

— Почему нечестная? — спросил Джейкоб, и в его голосе впервые послышалась нотка чего-то, кроме любопытства.

— Потому что ты показываешь только моё. А своё спрятал. Трусишь! Настоящая игра — когда оба открыты. Тогда интереснее. Честнее.

Он блефовал, тянул время. Вкладывал в слова всю остаточную силу, весь свой полицейский навык допроса, когда нужно надавить на слабое место. Джейкоб смотрел на него, и в его

тёмных глазах мелькнула искра обидчивого ребёнка, которого обвинили в трусости, и древнего, мстительного духа одновременно.

— Мои воспоминания скучные, — тихо сказал Джейкоб. — Там нет ничего интересного.

— Врёшь. — Лиам поднялся, опираясь на холодную стену. Его тело дрожало, но голос обрёл жёсткость. Он понял правила этого места. Здесь всё было вывернуто наизнанку. Правда была инструментом, оружием. — Там есть то, что сделало тебя таким. Покажи. Или признай, что твоя правда трусость.

— Я НЕ ТРУС! — Эхо подхватило крик мальчика и разнесло его по всем штрекам, превратив в рык подземного зверя. Джейкоб спрыгнул со стойки. Его фигура на мгновение расплылась, слилась с тенью, став высокой, сгорбленной. — Хочешь видеть? Увидишь! Хочешь настоящую игру? Ладно!

Он протянул руку. Не для рукопожатия. Это было приглашение в бездну.

Лиам, стиснув зубы, шагнул вперёд и схватил ледяные пальцы.

Сначала был свет. Тёплый, солнечный, пахнущий яблочным пирогом и сеном. Кухня, но совсем другая. Занавески в цветочек, по столу скачет солнечный зайчик. Женщина с мягким лицом и печальными, добрыми глазами наливает молоко в синюю кружку.

Мама. Лиам, будучи лишь наблюдателем, почувствовал, как по его душе разливается мучительная, сладкая грусть. Он видел это счастье через призму грядущей беды, и от этого оно было невыносимо чистым.

Потом краски поблели. Запах пирога сменился запахом лекарств и затхлости. Комната стала темнее. Женщина лежала в постели, такая худая, почти невесомая. Она гладила руку Джейкоба, сидевшего рядом, и шептала:

— Будь сильным для папы. Помоги ему.

А потом её не стало. И свет ушёл навсегда.

Отец. Сначала просто сгорбленный, разбитый мужчина. Потом его глаза, голубые и ясные, как у Джейкоба, стали мутнеть. В них поселилась лихорадочная искорка. Он говорил о Боге, потом о Дьяволе. О том, что зло должно быть наказано. Он смотрел на Джейкоба, на его светлые волосы, на его нрав и видел в нём чужака.

Лиаму хотелось крикнуть, предупредить того, прежнего Джейкоба, который всё ещё верил, что папа просто грустит. Но он был лишь тенью в чужой памяти

И вот тот день. Отец неожиданно оживился.

— Пойдём к горе, сынок, — сказал он голосом, в котором дрожала странная, неприродная живость. — На старую смотровую. Помнишь, мама любила туда ходить?

Джейкоб, обрадованный проблеском старого отца, легко согласился.

Лес был тихим, слишком тихим. Давно знакомые тропинки казались чужими. Они вошли на гору и вышли к обрыву. Отец положил руку на плечо Джейкобу. Рука была тяжёлой, костлявой.

— Папа? — обернулся Джейкоб.

И в этот миг Лиам увидел это в лице отца. Безумие в нём кристаллизовалось в нечто ужасающе ясное, спокойное. Это была не ярость, а холодная, ритуальная решимость.

— Прости, — тихо сказал отец. — Но ты не мой сын. Ты дьявол. Я должен изгнать тебя.

И он толкнул...

Не силой ярости, а с мерзкой, рассчитанной точностью. Джейкоб, не издав ни звука, полетел вниз. Его широко открытые глаза, полные непонимания и боли от предательства, на последнюю секунду встретились с взглядом отца. А тот развернулся и пошёл прочь. Не побежал. Пошёл. Как человек, выполнивший тяжёлую, но необходимую работу.

Тьма поглотила картинку, но знание, как раковая опухоль,росло в Лиаме. Он понял всё. Почему отец не вёл поиски. Почему отец, уважаемый в городе человек, настаивал, что мальчика не нужно искать. Он скрывал правду. Он похоронил сына дважды: в пропасти и во

лжи. И эта ложь, это непризнанное, не оплаканное преступление пропитало землю Грэнтона. Оно стало семенем проклятия. Джейкоб не просто умер. Его предали. Его лишили даже статуса жертвы.

Они стояли в тумане снова. Лиам дышал рвано, его колени подкашивались. Перед ним дрожал мальчик, но теперь это был просто мальчик. Искажённое болью, бледное личико, по которому текли невидимые, но настоящие слёзы.

— Он... он сказал, что я не я, — прошептал Джейкоб, и его голос был поломанным, детским. — Он посмотрел на меня и не увидел меня.

— Я вижу тебя, Джейкоб, — хрипло сказал Лиам. Он чувствовал не страх, а вселенскую, удушьящую жалость. — Я вижу, что он сделал. И мне жаль. Мне так жаль.

— Они все знали! — крикнул Джейкоб, и туман вокруг завихрился, в нём послышались отголоски стонов — Лоры и других, заточённых в его боли. — Они все молчали! Твой город молчал! Они не искали!

— Они боялись. Они поверили ему. Но это должно закончиться. Тебе нужно отпустить их.

— НЕТ! — Рёв Джейкоба был подобен зимнему ветру, вырывающему с корнем деревья. — Они должны помнить! Должны бояться! Должны видеть его лицо, как и я!

— А ты видишь другое лицо? — тихо, но настойчиво спросил Лиам. Он сделал шаг вперёд, сквозь ледяную ауру ненависти. — Ты помнишь синюю кружку? Солнечный зайчик на столе? Руку на своем лбу, лёгкую, как пух? Она ведь не ушла. Она там, в памяти. Там, куда он, — Лиам кивнул в сторону невидимого леса, — не может добраться. Твоя мама ждёт тебя не в этом городе. Она ждёт тебя там, где нет лжи и нет боли. Только её любовь.

Джейкоб замер. Его ярость дала трещину, и из неё хлынуло невыносимое, столетнее горе.

— Я хочу к маме, — простонал он, и это был крик затерянной, испуганной души. — Я так хочу к маме.

— Тогда отпусти город. Отпусти Лору. Они не твои враги. Твой враг — это только твоё воспоминание о нём. А ему не нужно давать силу. Ему нужно... повернуться спиной. Как он когда-то сделал тебе.

Лиам не знал, работают ли его слова. Он говорил из самой своей израненной сути, из того места, где жила его собственная вина за Дэнни.

Джейкоб смотрел сквозь него, в какой-то свой внутренний горизонт. Слёзы катились по его призрачным щекам, оставляя серебристые следы в тумане.

— Хорошо, — прошептал он. — Лора... свободна. Все... свободны. Я... я уйду.

Он посмотрел на Лиаму, и в его глазах впервые появилось что-то похожее на мир, на облегчение.

— Только, пожалуйста... — Его голос стал совсем тонким, исчезающим. — Не играй больше со мной в эту игру. Это плохая игра. Я не могу... я больше не могу видеть его.

Лиам хотел ответить, хотел сказать, что игра окончена. Но не успел.

Мир внутри Джейкоба, мир его воспоминаний, в последний раз дрогнул. На миг, как вспышка болезненного света, перед Лиамом возникло лицо отца Джейкоба. Не безумное, а спокойное, пустое, смотревшее в пропасть с каменным равнодушием убийцы. И этот взгляд, полный абсолютного отрицания любви, был самой ужасной вещью из всех, что Лиам видел.

Всё поглотила тьма. Настоящая, густая, беспросветная чернота, в которой не существовало ничего. Она ворвалась в него через глаза, уши, рот, сдавила виски.

Лиам не упал. Он провалился. И в этом падении не было ни звука, ни мысли, только последнее, глухое эхо детского плача.

А потом тишина.

...

На мониторе пульса была ровная, безнадежная линия.

Сара лежала неподвижно. Ее дыхание было поверхностным, веки сомкнулись, и она больше не кричала. Не шептала. Просто ушла в темноту, куда-то далеко-далеко, где не было ни боли, ни страха, ни этого маленького мертвого мальчика, которого она так и не успела назвать.

— Она впала в кому, — тихо сказала медсестра, проверяя реакцию зрачков. — Защитный механизм. Организм не выдержал.

Эллисон все еще держала в руках мертвого ребенка. Она смотрела на его личико, спокойное, почти умиротворенное, как будто он просто уснул, и чувствовала, как внутри нее что-то ломается. Не профессиональная выдержка. Та осталась. Ломалась вера в то, что мир устроен разумно.

За окном бушевал ураган. Ветер выл уже не как стон, а как полноценный, захлебывающийся вой. Дождь хлестал по стеклам сплошным потоком, делая мир снаружи размытым, нереальным. Гром грохотал почти непрерывно, и молнии били одну за другой, освещая палату белыми, безжалостными вспышками.

Итан стоял, вцепившись в дверной косяк. Он видел все. Маленькое тельце. Опустошенное лицо Эллисон. Неподвижную Сару. И он думал: Мы опоздали. Все опоздали. Десятый день победил.

И тут медсестра, та самая, которая сидела в палате Лоры, влетела в родильную палату, белая, как мел.

— Доктор Рэйес! — выдохнула она. — Доктор Рэйес, вы должны... там...

Эллисон не обернулась:

— Я занята. У меня здесь труп и кома.

— Но Лора! — Голос медсестры сорвался на визг. — Лора села на кровати! Она говорит! Она спрашивает, где мама!

Эллисон медленно повернула голову. Ее руки все еще сжимали мертвого младенца.

— Что?

— Она пришла в себя! — Медсестра почти плакала. — Она абсолютно нормальная, разговаривает, смотрит на меня! Но она ничего не помнит! Ни про Пропась, ни про десять дней, ни про то, что говорила! Она просто проснулась и спросила, где мама!

Итан вбежал туда первым, забыв о приличиях, забыв о том, что он здесь чужой, что у него нет права врываться в палату к девятилетней девочке.

Она сидела на кровати.

Не лежала, не рисовала, не смотрела в одну точку в состоянии кататонии. Сидела. Прямая спина, руки на одеяле, взгляд ясный, осмысленный. Ее русые волосы, спутанные и тусклые, обрамляли бледное, но уже не застывшее личико.

Лора смотрела на дверь, и когда Итан ворвался, она не вздрогнула, не испугалась. Просто повернула голову и спросила:

— Вы знаете, где моя мама? Мне сказали, я болела, но я не помню. И здесь так холодно. Почему здесь так холодно?

Ее голос был нормальным. Обычным детским голосом, немного хрипловатым после долгого молчания, но живым, настоящим. В нем не было той потусторонней, чужой интонации, которой она сказала:

— Он хочет играть.

Не было пустоты. Просто ребенок, который проснулся и не понимает, где находится.

Итан открыл рот и закрыл его. Он не знал, что говорить. Как сказать этой девочке, что ее мать только что родила мертвого брата и лежит в коме? Как сказать, что она сама десять лет провела на грани между мирами и служила рупором для того, что живет под горой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.